

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА 2023 №3

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА

№ 3 / 2023

Екатеринбург 2023

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FOUNDER: FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL ORGANIZATION
OF HIGHER EDUCATION
«URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY»
INSTITUTE OF PHILOLOGY AND INTERCULTURAL EDUCATION

LINGUISTICS OF CREATIVITY
№ 3 / 2023

Yekaterinburg 2023

Главный редактор:

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка УрГПУ (Екатеринбург, Россия);

Члены редколлегии:

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент (ОГПУ, Оренбург, Россия);

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор (МГПУ, Москва, Россия);

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор (ОГУ, Омск, Россия);

Ван Цзиньлин, доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков Чанчуньского университета (Чанчунь, КНР);

Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор (УрФУ, Екатеринбург, Россия)

Гаярски Лукаш, кандидат филологических наук, доцент (ун-т им. св. Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словакия);

Доброва Галина Радмировна, доктор филологических наук, профессор (РГПУ им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург, Россия);

Жунусова Жаныл Ныгизбаевна, доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан);

Искандери Махнуш, кандидат филологических наук, доцент (университет им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран);

Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор – выпускающий редактор (УрГПУ, Екатеринбург, Россия);

Кубасов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор (УрГПУ, Екатеринбург, Россия);

Лаппо Марина Александровна, доктор филологических наук, профессор (НГПУ, Новосибирск, Россия);

Литовская Мария Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор (Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань);

Ружицкий Игорь Васильевич, доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия);

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ, Волгоград, Россия);

Соболева Елена Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент (УрФУ, Екатеринбург, Россия);

Устинова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент – редактор перевода (МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия);

Цонева Лиляна Михайловна, доктор филологических наук, профессор (Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария);

Черняк Валентина Даниловна, доктор филологических наук, профессор (РГПУ им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург, Россия);

Шмелева Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор (НовГУ, Великий Новгород, Россия);

Щербакова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор (ОГПУ, Омск, Россия).

Ответственный секретарь журнала, администратор сайта – **Красноперова Евгения Сергеевна**, ассистент кафедры общего языкознания и русского языка УрГПУ (Екатеринбург, Россия);

Chief Editor – *Gridina T. A.*, Dr. of Philology, prof. (Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia)

Editorial board:

Bekasova E.N., Doctor of Philology, Professor (Orenburg, Russia);

Bubnova I.A. Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia);

Butakova L.O., Doctor of Philology, Professor (Omsk, Russia);

Wang Jinling, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China);

Vepreva I.T. Doctor of Philology, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Gajarski L., Candidate of Philology, Associate Professor (Trnava, Slovakia);

Dobrova G.R., Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);

Zhunusova Zh.N., Doctor of Philology, Professor (Astana, Kazakhstan);

Iskanderi Makhnoush, Candidate of Philology, Associate Professor (Tehran, Iran);

Konovalova N. I. Dr. of Philology science, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Kubasov A.V., Doctor of Philology, Professor (Yekaterinburg, Russia);

Lappo M.A. Doctor of Philology, Professor (Novosibirsk, Russia);

Litovskaya M.A., Doctor of Philology, Professor (Taipei, Taiwan);

Ruzhitsky I.V., Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia);

Suprun V.I., Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia);

Soboleva E.G., candidate of Philology, Associate professor (Yekaterinburg, Russia);

Ustinova T.V., Doctor of Philology, Associate Professor (Moscow, Russia);

Tsoneva L.M., Doctor of Philology, Professor (Veliko Tarnovo, Bulgaria);

Chernyak V.D., Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);

Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor (Veliky Novgorod, Russia);

Shcherbakova N.N., Doctor of Philology, Professor (Omsk, Russia).

Responsible secretary of the journal, site administrator –
Krasnoperova E.S., postgraduate (Yekaterinburg, Russia)

Содержание

**Раздел I. МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО
МЫШЛЕНИЯ**

Шмелева Т. В. Креативный потенциал оценочных
высказываний 9

**Раздел II. ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА**

Щербакова Н. Н. Языковая игра в сатирической
поэзии XVIII века 25

**Раздел III. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ФОРМЫ
ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ
ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ**

Стексова Т. И. Языковая игра как способ
дискредитации нарушения языковых норм в интернет-
коммуникации 40

Талашманов С. С. В России две проблемы – тире и
дефис: о тонкостях русской пунктуации в жанре
интернет-мема 67

**Раздел IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ**

Ваулина И. А. Урбанонимы Екатеринбурга в аспекте
их восприятия 84

Черняк В. Д., Хасанова И. И. С песней по жизни:
прецедентные феномены из песен в интертекстуальном
тезаурусе 99

TABLE OF CONTENTS

Part I. MECHANISMS OF LINGUOCREATIVE THINKING

Shmeleva T. Creative potential of evaluative statements 9

Part II. LINGUOCREATIVE PRACTICES OF ARTISTIC CREATIVITY

Shcherbakova N. Language play in satirical poetry of the XVIII century 25

Part III. DISCOURSE PRACTICES AND FORMS OF VERBAL CREATIVITY IN THE MODERN LANGUAGE SITUATION

Steksova T., Krylov Yu. Language game as a way to discredit violation of language regulations in internet communications 40

Talashmanov S. Two problems in Russia – a dash and a hyphen: on the subtleties of russian punctuation in the internet meme genre 67

Part IV. SOCIOCULTURAL ASPECTS OF LINGUOCREATIVITY

Vaulina I. Urbanonyms of Yekaterinburg in the aspect of their perception 84

Chernyak V., Khasanova I. Life accompanied by music: precedent phenomena from songs in the intertextual vocabulary 99

Раздел I. МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Т.В. ШМЕЛЕВА

г. Великий Новгород, Россия

szmiel@mail.ru

SPIN-код: 9745-0252

УДК 81'23:811.161.1'42

ББК Ш100.6+Ш141.12-51

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Аннотация. В аспекте креативности рассматривается смысловой тип русских высказываний – оценочный – в особых дискурсивных условиях, а именно в составе комментариев к музыкальным стримам. Проанализированный в статье материал показывает, что креативный потенциал таких высказываний заслуживает особого внимания. Для его демонстрации оказалось необходимым выявить «точки креативности», важнейшие из которых – смысл интенсивности оценки и оформление высказывания в плане вербалики/невербалики, что связано с технологическими условиями их функционирования. Показаны разнообразные способы выражения интенсивности оценки, включая особые формы прилагательных и субстантивов, идиоматику, синтаксические техники. Анализ невербалики выявляет репертуар параграфемных и визуальных средств. В целом рассмотренные факты медиаречи дают новые возможности для изучения языковой креативности и для исследования синтаксиса в дискурсивном пространстве.

Ключевые слова: оценочные высказывания, стрим, лингвокреативность, варьирование, интенсивность оценки, невербалика, русский язык.

SHMELEVA TATYANA V.

Velikiy Novgorod, Russia

CREATIVE POTENTIAL OF EVALUATIVE STATEMENTS

Abstract. In the aspect of creativity, the semantic type of Russian statements is considered - evaluative in special discursive conditions, namely as part of comments on music streams. The material analyzed in the article shows that the creative potential of such statements deserves special attention. To demonstrate it, it turned out to be necessary to identify “points of creativity”, the most important of which are the meaning of the intensity of the assessment and the design of the statement in terms of verbal / non-verbal, which is associated with the technological conditions for their functioning. Various ways of expressing the intensity of assessment are shown, including special forms of adjectives and substantives, idioms, syntactic techniques. The analysis of non-verbals reveals the repertoire of paragraphemic and visual means. In general, the considered facts of media speech provide new opportunities for the study of linguistic creativity and for the study of syntax in the discursive space.

Keywords: evaluation statements, stream, creativity, variation, evaluation intensity, non-verbal

Шмелева Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)
Адрес: 173003 Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41

Shmeleva Tatyana Victorovna
– Doctor of Philology, Full Professor, Professor of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)

Проблему креативного потенциала высказываний определенной семантики трудно назвать активно обсуждаемой в лингвистике креатива. Причина этого, видимо, кроется в том, что это лингвистическое направление обращено преимущественно к слову – будь то его грамматические

свойства и семантика [Ведрева 2009; Ремчукова 2009], графический облик [Попова 2012] или иные аспекты. Словоцентричность лингвокреативных исследований объяснима: слово – воспроизводимое языковое средство, и любое отклонение от узуса или нормы попадает под подозрение в креативности, хотя может быть и «изобретением по незнанию», что постоянно происходит в речи детей и инофонов.

Другое дело – высказывание: оно порождается автором, конструируется в соответствии с замыслом и рядом коммуникативных факторов. Однако считать высказывание абсолютно креативным феноменом было бы опрометчиво: соотношение воспроизводимого, типового, стандартного, стереотипного, с одной стороны, и креативного, оригинального, уникального, с другой, складывается по-разному в разных дискурсивных условиях – от доминирования стандарта в деловой речи до установки на уникальность в речи поэтической, где нетривиальность составляет главный критерий качества высказывания.

В общем, можно, как кажется, утверждать, что высказывание обладает большим креативным потенциалом, чем слово, уже в силу того обстоятельства, что его построение предполагает ряд актов выбора – модели, ее регулярной реализации, лексического наполнения с его стилистическими характеристиками и словорасположения. При этом на каждом шагу семантика высказывания, дискурсивные условия его функционирования сужают диапазон выбора, не зачеркивая тем не менее возможности для креатива. Тогда как уровень языковой компетенции автора и его языковой рефлексии расширяют этот диапазон, обеспечивая реализацию креативного потенциала высказывания. Учитывая его сложную устроенность, которая определяется взаимодействием семантической структуры, актуальных параметров и конструктивных возможностей, можно при изучении его креативного потенциала выявить «точки креативности» – те моменты его устроенности, где возможен наиболее широкий выбор языковых средств, позволяющий автору проявлять креативность.

Избранные для изучения в этом аспекте оценочные высказывания, как показывает предварительный анализ, позволяют, с одной стороны, увидеть их в новом ракурсе, а с другой, – получить новые данные о креативности синтаксических единиц.

Итак, оценочные высказывания, о которых пойдет речь далее, в русском синтаксисе изучены с разных сторон: определен состав обязательных и факультативных элементов их семантической структуры, выявлена специфика репрезентации субъекта оценки, круг оценочных предикатов – иначе говоря, описаны модели, по которым они строятся. Не дублируя изложение истории вопроса, представленной в статье [Шмелева 2023: 90—91], хотелось бы подчеркнуть следующие моменты.

Оценочными высказываниями считаем такие, в которых оценка оказывается центральным, рематизированным смыслом, а не попутно выраженным элементом, сопровождающим один из актантов или одну из характеристик актантов, как, например, в комментарии ... *собрали музыкантов и певцов с нереальными голосами*. Это не значит, что в таких случаях не выражается оценочность, но условие рематической позиции для оценочной лексики позволяет иметь дело с семантически однородными высказываниями для поиска их типичных свойств. В дальнейшем можно изучить и «сопроводительные» способы выражения оценки.

При изучении оценочных высказываний важнейшим условием адекватности результатов оказывается учет дискурсивных условий их воплощения. В этом плане для анализа в настоящей работе избраны высказывания, дискурсивные условия функционирования которых определяются довольно строго: их можно наблюдать в составе комментариев к трансляциям на платформе YouTube, при этом отобраны музыкальные трансляции – стримы, жанровая природа которых понимается здесь как, например, в статье [Болотнов 2021], и публикации отдельных музыкальных произведений (видеозаписи исполнения, клипы). Преобладание позитивных оценок и экспрессивности их выражения объясняется тем, что стримы и публикации посещают и комментируют поклонники

исполнителя, автора, жанра, произведения, отличающиеся эмоциональностью, что характерно для любителей музыки. Это отличает рассматриваемые комментарии от ироничных комментариев к новостям, информирующим о городских и общероссийских событиях, происшествиях, криминале, которые проанализированы, например, в статье [Стексова 2014].

Синтаксический анализ выявил ряд специфических конструктивных черт оценочных высказываний. Так, позиция субъекта оценки в их структуре регулярно редуцируется, поскольку высказывание прочитывается в рамках текста комментария, который часто и сводится к собственно оценке. Едва ли не более регулярно редуцируется и позиция объекта оценки, поскольку он очевиден в ситуации оценивания. В результате оценочные высказывания регулярно воплощаются в виде однословных экспрессивных реплик типа *Великолепно!*; *Восхитительно!*; *Божественно!*; *Превосходно!!!*; *Гениально!* Разумеется, это не исключает канонических реплик, включающих обозначение субъекта, объекта оценки и собственно оценки, чаще двух из них: *Я в восхищении* (субъект и его оценка); *Восхищена клипом*; *Работа – супер*; *Концовка шикарна!* (объект + оценка).

Указанные синтаксические параметры определяют специфику изучаемых высказываний в стилистическом плане: для них оказываются характерными такие черты, как лаконичность, обеспеченная редуцированностью ключевых позиций структуры – субъекта и объекта оценки, обилие сленговой лексики, создающей, в частности, экспрессивный фон; особое «восклицательное» пунктуационное оформление. Отмеченные моменты есть все основания считать обусловленными спецификой дискурсивных условий и не видеть в них проявлений креативности.

Что касается последней, то для содержательного разговора о ней, как было сказано ранее, необходимо определить «точки креативности» – те моменты, в которых регулярно наблюдается нестандартность, оригинальность. В качестве таковых оказываются, на мой взгляд, две «точки»: смысл 'интенсивность оценки' и оформление высказываний, предполагающее выход за

пределы вербалики. Рассмотрим каждую их этих «точек», стремясь увидеть характер креативности в них.

Следует предварительно оговорить использование в статье иллюстраций. Они даются без детальной паспортизации: автор не указывается, так как комментарии анонимны, а размещение на платформе YouTube сообщено заранее; время публикации не существенно, поскольку они остаются в комментариях к стриму или клипу, и познакомиться с ними можно не только в день публикации. При включении иллюстраций в текст статьи сохраняется их орфография и пунктуация.

Интенсивность

Интенсивность – факультативный элемент семантической структуры высказывания, указывающий на высокий уровень признака или экспрессивность его выражения; детально этот смысловой элемент описан в работе [Иванова 2000], где, в частности, показано, как он реализуется в разных ситуациях и как выражается системными языковыми средствами.

Как показало рассмотрение оценочных высказываний избранного типа, в плане креативности именно этот смысловой элемент оказывается наиболее актуальным. К стандартным способам его выражения можно отнести, например, наречие *очень*, как в комментарии *Очень круто!*; *Очень интригующе*. Креативное выражение этого смыслового компонента предполагают серию возможностей: его «включение» в семантику оценочного предиката, автономное выражение, в том числе с помощью идиоматики, и синтаксические техники.

«Включенная» интенсивность оценки

«Включение» смысла интенсивности в показатель оценочности – обычное явление, если иметь в виду оценочную лексику высокого градуса типа *великолепно*, *восхитительно*, *гениально*, *божественно*; но такие случаи вряд ли можно назвать креативными.

Креативно выглядят высказывания, в которых смысл интенсивности оценки оказывается встроенным в оценочный предикат за счет грамматических средств, в качестве которых выступают дериваты, которые известны как **элатив** или

аугментатив. Наличие таких оценочных предикатов отмечено в статье [Шмелева 2023: 91—94; 97], в плане креативности важно подчеркнуть следующее.

Современные исследователи считают, что «элативные прилагательные – грамматические омонимы форм превосходной степени, выражающие, в отличие от них, не сравнение, а подчеркнуто оценочное отношение субъекта речи к определяемому объекту» [Михеева 2022: 87]. Характерные для стиля Достоевского, что показывает автор цитируемой статьи, такие слова оказываются и в репертуаре авторов изучаемых комментариев, о чем говорят, например, такие высказывания: *Крутейший коллаб; Крутейшая вещь получилась; Мега крутейшая композиция.* Интересно, что элативы образуют и от субстантивов, например, *топ*: прилагательное от него *топовый*, но в рассматриваемых высказываниях находим элатив *топейший*, мотивированное не им, а субстантивом: *Авторские песни топейшие; Воистину топейший стрим; Топейшая! Оставайся клёвой.* Элативы – достаточно частотны в текстах разных дискурсов, но в оценках музыкальных явлений фигурируют их скорее редкие реализации.

Аугментативы – дериваты существительных с «увеличительными» суффиксами, довольно редкие в строгих дискурсах, но характерные, как установлено, например, в работе [Скачкова 2022], для интернет-коммуникации, активны и в рассмотренных высказываниях: *Саша, ты талантище!; Саиуль, у тебя талантище!; Машенька, какое же вы талантище!; Сколько же талантищей...; Стрим огнище!; Респектище!; Потусторонний респектище!; Лайкище!; Это просто шедеврище.* Симптоматично их использование в конструкциях с показателем связи *не ..., а...*, где они оказываются в «утверждаемой» позиции, тогда как в отрицаемой – исходные субстантивы: *Не просто человек, а человечище; Не стрим, а... стримище.* Так для читателя фиксируется «увеличительная» семантика деривата, а тем самым высокий уровень интенсивности оценки.

Таким образом, креативность в выражении интенсивности оценки в семантике оценочного предиката проявляется в

свободе обращения с грамматическими формами и дериватами, активизацией грамматических механизмов, обеспечивающих выражение нужного смысла.

Мурашки и другое

Среди автономных показателей интенсивности оценки особого внимания заслуживают идиомы, которые, будучи воспроизводимыми единицами, как будто не располагают к креативности. Между наблюдения показывают иное.

Прежде всего следует отметить, что в изучаемых высказываниях частотны идиомы, представляющие оценку через физиологические ощущения: *До слез!*; *Звук, кадр, свет, песня, акценты – до кома в горле*. Однако имеющимся запасом идиом такой семантики авторы комментариев не ограничиваются и выражают свои ощущения указанием на разнообразные ощущения и симптомы: *У меня пульс участился!*; *Как будто сердце замерло на 3 минуты 27 секунд*; *Я затаил дыхание и волосы на руках были торчком всю песню*; *Это дичайший музыкальный оргазм*. Как видно из этого перечня, круг физиологических проявлений музыкальных впечатлений довольно широк, как и репертуар средств их обозначения, что говорит о креативности авторов высказываний.

Особое внимание в этом отношении привлекают идиомы с субстантивом *мурашки*. Вообще говоря, они отмечены в словарях разных лет, например, [Молотков 1978: 255—256; Фёдоров 1008: 381]. Как позволяет уточнить Национальный корпус русского языка, их использую в литературных текстах с 1826 года, а их общий смысл – описание состояния человека, которое представляется как движение каких-то мурашек, которые способны *бегать, забегать, пробегать, побежать, пойти, поползти*; локализуется эти движения *по коже, по телу, по спине*. Иначе говоря, эти идиомы имеют форму предикативной едины и семантическую структуру «квазисубъект + движение + локатив», в целом представляя описание состояние субъекта, он же чаще всего автор оценки. В таком описательном значении массово используются в оценочных высказываниях: *Мурашки бегали*; *Мурашки пробежали*; *Мурашки даже изнутри*; и в этом нет креатива –

вполне стандартное употребление. Креатив начинается там, где идиома преобразуется – используется либо расширенно, либо трансформированно, либо редуцированно.

Расширение идиом производится за счет факультативных семантических компонентов:

✓ темпоратив: *У меня мурашки с первой ноты; Мурашки всю песню; Мурашки с первых тактов до последних; Непрерывающиеся мурашки на протяжении всего видео;*

✓ квалификатив: *Мурашки бегали толпами!!!!; Бесконечные мурашки; Непрерывающиеся мурашки на протяжении всего видео;*

✓ каузатив: *Мурашки от исполнения; От хора мурашки по спине; От этого визуала и звука мурашки не проходят.*

Трансформации идиом достигаются за счет смены компонентов; так, глаголы движения заменяются иными, например, *Мурахи гуляли по мне всю песню; меня на последнем куплете охватили мурашки и слезы на глазах выступили; Мурашки пронизывают все тело; У меня мурашки в конце произведения взорвались просто и слезы градом.* Замена глагола иногда приводит к изменению актантной семантики: мурашки из квазисубъекта превращаются в

✓ квазиобъект: *В какой-то момент даже мурашки словил!;*

✓ квазисилу: *Обсыпает мурашками и слезы выступают;*

✓ квазилокатив: *Я в восторге и в мурашках;*

✓ обозначение ситуации: *Промурашило мощно!*

Редуцируются, как ни странно, чаще всего глаголы движения, и идиомы приобретают вид «мурашки + локатив»: *Мурашки по коже – самые настоящие!; Это просто уфф... Мурашки по всему телу.* Типичным оказывается редуцирование до слова *мурашки*, которое становится репрезентантом всех идиом, описывающих состояние субъекта: *Слушаю Вас и аж слезы от удовольствия на глаза... Про мурашки всю песню вообще молчу...; ... Накал всех чувств. Мурашки; Ничего себе, ребята, Вы дали жару... мурашки*

Интересно, что этот редуцированный вид идиомы преобразуется до предложно-падежной формы, которая

воспринимается как новая идиома *до мурашек* с семантикой интенсивности, точнее ее крайнего предела: *до мурашек! Гениальное исполнение гениально снято...; Действительно, до мурашек. Просто до мурашек... Нет слов; Шикарно до мурашек; Это очень круто! до мурашек.*

Нельзя не отметить, что в последнем случае идиомы-трансформа оказывается недостаточно, и ключевой субстантив лишается диминутивного суффикса, что дает эффект повышения значительности. Другой вариант дедиминутивизации ключевого субстантива уже приведен: *Мурахи гуляли по мне всю песню; встретилось и однословное высказывание Мурахи!!!*

Часто *мурашки* соседствуют в высказывании с другими показателями физиологических ощущений при восприятии музыки: *Аж до мурашек и до слез!!!; Не фанатка Егора Летова, но это до мурашек по телу, до мокнущих стоп и ладоней, до слез.*

Справедливости ради следует сказать, что при описании впечатлений авторы оценочных высказываний не ограничиваются сферой физиологии, а смело (и креативно) выходят с области природы и техники: *В вашем исполнении у меня внутри целый ураган эмоций прошел!; Это так гениально задумано, что дух захватывает! Под конец песни чувствую как вся моя сила и мощь (откуда что взялось?!) концентрируется в одной точке, как ракета перед залпом.*

Таким образом, использование идиом с семантикой интенсивности дает возможности для креативного выражения этого смысла за счет широкого варьирования состава идиом с подключением метафорической оптики, позволяющей представлять сильные чувства оценивающих через физиологию, природные стихии и технику.

Перечисление способов выражения смысла интенсивности можно завершить указанием синтаксических техник, из которых в рассматриваемых высказываниях обнаружены повтор и тавтология.

Повтор как наиболее простая синтаксическая техника, состоящая в дублировании лексем в составе высказывания

[Матвеева 2010: 316], востребован при использовании оценочной лексики, семантика интенсивности, по ощущениям авторов высказываний, видимо, повышается, как в случаях: *Шикарно! Просто шикарно!; Господи боже. Один из любимейших исполнителей поет одну из любимейших песен; Фантастическое исполнение, фантастический голос; Гениальное исполнение, гениально снято...; Свет крышесносный. Да ваще все вместе крышесносно.* Как показывают эти примеры, повтор оценочной лексики позволяет детализировать оценку, обозначая разные аспекты оцениваемого объекта, поддерживая ее высокий «градус».

Вообще такая синтаксическая техника не соответствует требованиям русской стилистики, если не считать поэзию, но в изучаемых дискурсивных условиях оказывается экономным и выразительным средством выражения интенсивности оценки. Иногда повтор оценочного слова оформляется через дефис, что заставляет воспринимать такие реплики как однословные, а единственное слово – как экспрессивный дериват оценочного предиката: *Круто-круто-круто!;* а это, в свою очередь, заставляет воспринимать применяемую технику как деривационную, конкретно – редупликацию [Там же].

Такого же эффекта «повышения градуса» позволяет достигать и техника тавтологии – использования однокоренных слов в рамках одного высказывания, что не приветствуется русской стилистикой, которая предлагает средства избегать тавтологических построений [Там же: 476—477]. В изучаемых высказываниях, как видно из примеров, тавтология оказывается не ошибочной, а намеренно применяемой техникой, о чем говорит, в частности, контактное расположение однокоренных слов: *Огонь огненный, аж в слезу пробило; Шикарный шик!; Какой же он гений гениальный!; Какая она магия магичная!*

Таким образом, важной точкой креативности в составе оценочных высказываний оказывается интенсивность оценки – смысл, который формируется обращением к физиологии автора, силе его ощущений. И креативность при этом проявляется в свободе обращения с языковыми средствами, в том числе, как показывают наблюдения, над идиоматикой, допускающей

широкий диапазон варьирования, не зафиксированного в рамках литературного языка. Иначе говоря, можно назвать этот принцип креативного языкового поведения – варьирование языковых единиц, трансформация их состава для достижения эффектов точного выражения нужного смысла.

Невербалика

Самыми решительными шагами за пределы принятого в литературном языке можно считать выход за пределы вербалики – словесного выражения, что обеспечивается технологическими возможностями интернет-коммуникации, в рамках которой функционируют изучаемые высказывания.

Первый из таких шагов – к параграфемике, под которой имеются в виду небуквенные знаки, сопровождающие графическое воплощение слова – пунктуация, игра шрифтов и строчных/прописных букв. Лингвистами отмечена тенденция повышения удельного веса параграфемике в текстах рекламы [Дзякович 1998], вывесках [Григорьева 2004: 241—243; Даминова, Салихова, Липаева 2021], медиа [Рябова 2021].

В рассматриваемых высказываниях используются такие средства параграфемике:

✓ множественность буквы, не предусмотренная правилами орфографии: *Это просто воссссхитительно!; Суперrrr!;*

✓ прописные буквы вопреки правилам, в том числе для всего слова: *Великолепно! БОЖЕСТВЕННО!; Это просто ШЕДЕВР; Ребята, это просто ОФИГЕННО!;*

✓ дефис для «пунктирной» фиксации слова, создающей эффект графического скандирования: *О-чу-меть, как круто!*

✓ множественность восклицательного знака, что характерно для неофициальных форм коммуникации в интернете: *Аж до мурашек и до слез!!!; Класс !!!; Бомба!!!! До мурашек!!!!;*

✓ цифры в неколичественных значениях: *Такой бомбический кавер. Все к месту. Аранжировка, исполнение, свет – 10\10.*

Конечно, все эти средства доступны не только в компьютерном наборе текста, но их массовое использование

характерно для интернет-коммуникации, что располагает к такому оформлению оценочных высказываний.

Второй такой шаг – к визуальным компонентам компьютерного письма, которые описаны, например, для одного из жанров интернет-коммуникации – ответа в частной переписке [Крылов 2022]. В оценочных высказываниях музыкальных стримов активно используется весь репертуар визуальных средств выражения оценки – лайки, эмодзи, смайлики, гифки, стикеры. Примером могут послужить высказывания с пиктограммами изъясления любви – сердечки, которые могут присутствовать к реплике как однократно, так и многократно: *Это просто восхитительно ♥♥♥; Слезы и мурашки уже четвертый день слушаю ♥♥♥.*

Интересно отметить, что такие пиктограммы могут выступать как конкуренты буквенных обозначений смыслов ‘аплодирую’, ‘огонь’, ‘сердце’: *Рома просто топ, в этом году был на концерте, это просто в самое ♥.*

Таким образом, особой «точкой креативности» в оценочных высказываниях оказывается невербалика, активно используемая в интернет-коммуникации, однако требующая от автора выбора конкретных средств, что предполагает свободу обращения с новыми средствами выражения.

Заключение

Итак, приведенные факты, как кажется, убеждают в том, что оценочные высказывания в комментариях к стримам на YouTube обладают креативным потенциалом, который массово и разнообразно реализуется в конкретных репликах чатов. Рядовые зрители стримов демонстрируют свободу обращения с языковыми средствами и выходят за пределы языка в поисках форм, адекватных их ощущениям.

Стоит подчеркнуть, что исследования оценочных высказываний не дают возможности выявлять креативность того или иного автора, речь идет о сообществе, скажем, поклонников того или иного исполнителя, стримера.

Кроме того, креативность высказывания, и оценочного высказывания, в частности, – относительна. Впервые сказанное может остаться уникальным, если его никто не подхватил и не

воспроизвел, если же оно подхвачено, многократно повторено, то становится узуальным, а затем и типовым, стандартным для определенной дискурсивной ситуации, пусть это будет даже один жанр в интерне-коммуникации. Из этого следует важный методологический вывод: нельзя оценивать отдельно взятые высказывания на фоне норм литературного языка, в каждой дискурсивной ситуации складываются свои коммуникативные обычаи, привычки, не исключено, что можно говорить о разных нормах построения высказывания. И фактор жанра очевидно относится не к последним, он и определяет нормы построения высказывания, как можно было убедиться на примере комментариев к стриму. За креативное иногда можно принять дискурсивно обусловленное, специфичное для тех или иных дискурсивных условий. Таким образом, для исследования креативности дискурсивной деятельности важно определить оптику, возможно скорректировав критерии, заданные нормами литературного языка.

Литература

Болотнов А. В. Стрим как новый гипермедиажанр // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. №2(20). С. 111—120. DOI: 10.15688/jvolsu2/2021/2/10

Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII—XX вв.). М.: Эллис, 2004. 456 с.

Вепрева И. Т. Креатив креатива, или о функционировании лексемы *креатив* в современном русском языке // Лингвистика креатива: коллективная монография; отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2009. С. 112—123.

Даминова Д. Р., Салихова Р. Р., Лунаева Л. С. Элементы параграфемии в лингвистическом ландшафте полиэтнического города // Перспективы лингвистического знания: молодежь и наука: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, магистрантов, студентов и школьников. Том 1. Стерлитамак, 2021. С. 33-39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46575914>

Дзякович Е. В. Особенности использования средств параграфематики в современной печатной рекламе // Вопросы стилистики. Саратов, 1998. № 27. С. 140-145.

Иванова О. О. Грамматика интенсивности в русском языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2000. 34 с.

Крылов Ю. В. Жанр невербального ответа в виртуальной коммуникации // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал, 2022. №2(4). С. 19–35. DOI: 10.34680/VERBA-2022-2(4)-19-35

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистический терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.

Михеева С. Л. Элативные прилагательные в тексте романа Ф. М. Достоевского "Бесы" // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: Труды и материалы международной конференции, Казань, 2022. С. 87—89. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50069042>

Молотков А. И. (ред.) Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. 3-е стереотип. изд. М.: Русский язык, 1978. 543 с.

Попова Т. В. Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удачи и неудачи (на материале графиксатов русского языка рубежа XX—XXI вв. // Лингвистика креатива: коллективная монография; отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2012. С. 199—233.

Ремчукова Е. Н. Грамматические категории в зеркале креативности // Лингвистика креатива: коллективная монография; отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2009. С. 245—268.

Рябова М. Ю. Параграфемные средства экспрессивности в англоязычном дискурсе моды // Филологические науки. вопросы теории и практики. 2021. №2(14). С. 453-457. DOI: [10.30853/phil210045](https://doi.org/10.30853/phil210045)

Скачкова Е. В. Семантика и особенности функционирования существительных с аугментативными суффиксами в

неформальной интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 1. С. 179–186. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-179-186>.

Стексова Т. И. Дискурсивные практики языковой игры в ироничных интернет-комментариях // Лингвистика креатива: коллективная монография; отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2014. С. 303—315.

Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

Шмелева Т. В. Оценочные высказывания в комментариях к стриму // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал, 2023. №2(7). С. 89–102. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102

©Шмелева Т.В., 2023

Раздел II. ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

УДК 821.161.1-17(091):811.161.1'42

ББК Ш33(2Рос=Рус)4-45+Ш141.12-03

Н. Н. ЩЕРБАКОВА

г. Омск, Россия

nata.ro@mail.ru

SPIN-код: 6355-3510

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

Аннотация. В статье анализируются примеры языковой игры в поэтических текстах русской художественной литературы XVIII в. На материале сатирических произведений автор рассматривает специфику конструктивных принципов языковой игры в лингвокреативной практике разных авторов указанного столетия. В качестве исходного избрано теоретическое положение о языковой игре как форме лингвокреативной деятельности, а также типология конструктивных принципов и моделей языковой игры, разработанная Т. А. Гридиной применительно к художественному тексту. Материал проанализированных сатирических текстов демонстрирует использование различных конструктивных принципов языковой игры, что свидетельствует об отношении к данному феномену как элементу художественного текста, содействующему его выразительности. В то же время для текстов XVIII столетия характерно отсутствие некоторых распространённых в современном русском игровом пространстве приёмов. В частности, в сатирической поэзии не

используются гибридные слова, а кроме того, ограничено использование прецедентных текстов.

Ключевые слова: языковая игра, русский язык XVIII в., история русского языка, русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество, поэтические жанры, поэтические тексты, сатира, сатирическая поэзия, ассоциативный потенциал слова, лингвистика креатива, пародирование, каламбур.

SHCHERBAKOVA NATALIA N.

Omsk, Russia

LANGUAGE PLAY IN SATIRICAL POETRY OF THE XVIII CENTURY

Abstract. The article analyzes examples of language play in poetic texts of Russian fiction of the XVIII century. On the material of satirical works the author considers the specificity of constructive principles of language play in the linguocreative practice of different authors of the mentioned century. The theoretical position on language play as a form of linguocreative activity, as well as the typology of constructive principles and models of language play, developed by T. A. Gridina in relation to the linguocreative practice of different authors of the mentioned century, are chosen as the initial one. A. Gridina in relation to the artistic text. The material of the analyzed satirical texts demonstrates the use of various constructive principles of language play, which indicates the attitude to this phenomenon as an element of the artistic text that contributes to its expressiveness. At the same time, the texts of the eighteenth century are characterized by the absence of some of the techniques common in contemporary Russian play. In particular, satirical poetry does not use hybrid words, and in addition, the use of precedent texts is limited.

Keywords: language game, Russian language of the XVIII century, Russian literature of the XVIII century, associative potential of the word, linguistics of the creative, parody, pun.

Щербакова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доц., проф. каф. предметных технологий начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» (Омск, Россия)

Shcherbakova Natalya Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Prof. department subject technologies of primary and preschool education of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Omsk State Pedagogical University" (Omsk, Russia)

Обращение к феномену языковой игры с позиций её исторической эволюции показывает, что она существовала уже в древности [Лихачев 1984; Рут, Иванова 2009].

Опираясь на положение о древнерусской смеховой культуре как основе языковой игры в названный период, Д. С. Лихачёв указывает на универсальный характер древнерусского смеха, который «несет правдивую информацию о мире и совмещает разрушительное и созидательное начала: осмеивая устройство человеческого общества, отвергая социальные законы и социальное неравенство, смех строит мир антикультуры» [Лихачев 1984: 3]. В качестве распространённой разновидности собственно языковой игры Д.С. Лихачёв указывает, например, балагурство, «умевшее отметить смешное в повседневном и самом обычном, способное рифмовать слова и изменять их форму до неузнаваемости, выдумывая остроты и каламбуры» [там же]. Балагурству присущи важнейшие особенности языковой игры, связанные с намеренным нарушением языкового стереотипа: «смех показывает в высоком – низкое, в духовном – материальное, в торжественном – будничное» [там же: 35].

Е. А. Земская, разделяющая эту точку зрения, уточняет содержание термина *балагурство* как «ряд конкретных приемов и способов языковой игры, связанных только с формой обыгрываемых единиц» [Земская 1983, с. 172 – 214]. Исследователи, обращавшиеся к феномену языковой игры в народном творчестве, отмечали её сложный характер, требующий соответствующей обратной связи в процессе трансляции. Показательно в этом плане следующее высказывание В. Я. Проппа: «Если любую комедию или любую

юмореску пересказать «своими словами», они не покажутся смешными» [Пропп 2002: 146 – 173]. Это означает, что комический эффект, который заложен в тексте, должен быть понятен адресату, т.е. требует соответствующей работы языкового сознания: осознание игры, появление комического эффекта требует от слушающего не просто знания норм языка, но и понимания намеренности нарушений.

Сказанное свидетельствует о том, что наблюдающееся в современном русском языковом пространстве широкое использование языковой игры имеет предысторию, которая заслуживает внимания исследователей. Историческая ретроспектива использования языковой игры демонстрирует не столь серьёзное её распространение, как на современном этапе, однако нужно учитывать то, что, историк языка всегда ограничен дошедшими до нашего времени текстами, количество которых для некоторых эпох позволяет делать только осторожные предположения. Во всяком случае, тот факт, что «база языковой игры – ассоциативный потенциал слова» [Гридина 2006: 11-24] и что «в основе ее лежат некоторые внутренние, «природные» свойства самого языка — его строения и функционирования в обществе» [Норман 2023: 10] говорит в пользу возможности большего распространения данного явления, например, в древнерусском языке.

В ходе исторической эволюции русского языка языковая игра актуализируется в XVIII столетии не только за счёт традиций русского языка, но во многом под влиянием французской литературы, где это явление становится обязательным ещё в XVII веке [Рут, Иванова 2009: 79]. В связи с этим использование языковой игры в русских художественных текстах XVIII века приветствуется, тем более это касается текстов сатирического содержания.

Целью данной работы стало выявление принципов языковой игры, отразившихся в сатирической поэзии XVIII столетия. В процессе анализа материала [Русская поэзия XVIII века 1972] мы использовали подход, предложенный Т. А. Гридиной, которая рассматривает языковую игру как форму лингвокреативной деятельности. В основе указанного подхода

лежит постулат о языковой игре как форме лингвокреативного мышления, «основанного на ассоциативных механизмах переключения стереотипов, что позволяет говорящему конструировать при помощи специальных лингвистических приемов нестандартный контекст восприятия вербальных знаков» [Гридина 1996: 17].

Пространство художественного текста всегда предполагает неограниченные возможности для языкового эксперимента, поскольку природа художественного творчества связана с тем, что в нем «нарушение стереотипов есть норма» [Гридина 2013: 102]. При этом необходимо учитывать, что образованный читатель XVIII столетия, которому прежде всего и адресованы творения лучших авторов данной эпохи, – это человек, владеющий иностранными языками, изучавший классические древние языки, знакомый с лучшими образцами европейской литературы. Можно поэтому предполагать, что среди примеров языковой игры немало случаев, отражающих аллюзивный принцип языковой игры, который «базируется на интерпретации некоего общеизвестного культурно значимого *прецедента*, выступающего прототипическим объектом для *новой ассоциативной разработки*» [Гридина 2013: 107].

В современном русском языке аллюзивный принцип нередко связан с использованием прецедентных текстов из русской художественной литературы. В стихотворных произведениях сатирического характера, написанных в XVIII веке примеры такого рода есть, но они не всегда связаны с языковой игрой. Например, в стихотворении «Зубницкому» М. В. Ломоносов использует такие отсылки к текстам стихотворений В. К. Тредиаковского:

*Давно изгага всем читать твои синички,
Дорогу некошину, вонючие лисички;
Никто не поминай нам подлости ходуль
И к пьянству твоему потребных красоуль.*

В текстах В. К. Тредиаковского можно обнаруживаются следующие фразы:

*Поют лисички
Со синички*

*Хвостом машут и лисички...;
Или тебе некошна вся была дорога...;
Нужды, будь вин жаль, нет мне в красовулях,
Ин к тебе придти позволь на ходоулях...*

В данном случае очевидно эстетическое неприятие стихотворных опытов Третьяковского, причем их дискредитация высказана прямо и весьма категорично. Здесь практически не выполняется главное требование к языковой игре, в процессе которой «прототип ... выступает лишь стимулом стратегии для развёртывания языковой игры ... в русле авторского художественного замысла» [Гридина 2013: 11].

Упоминаемые строки взяты М. В. Ломоносовым из произведений, жанр которых был определен Третьяковским как «песенки», и данное наименование свидетельствует об отсутствии намерения вложить сколько-нибудь серьёзное содержания в эти тексты, которые содержат черты балагурства. Тем не менее подобные стихотворные опыты вызывают острую неприязнь у мыслящих людей эпохи. Так, в пародийной песне А. В. Сумарокова также заметно неприятие стиля с элементами балагурства, которое выражается и в комичной тавтологии, и в архаичных формах местоимений, и в новообразованиях, созданных исключительно для рифмы:

*О приятное приятство!
Ты даюсь сама я в власть,
Все в тебе я зрю нарядство,
Тщусь сама ся дать, ах! в страсть!
Я таилась не ложно,
Но, однак, открылась ти.
Весь мой дух за невозможно
Ставит пламени уйти.*

Отметим, что аллюзивный принцип языковой игры с использованием прецедентных текстов не слишком распространён в поэтической сатире эпохи. Возможно, это связано с тем, что русская литература исследуемого периода находилась в стадии становления и не выработала к этому времени прецедентных текстов, которые хорошо были бы всем

известны. Таким хорошо известным всем произведением могло быть в описываемую эпоху, пожалуй, только Священное Писание, хотя и с ним существовали проблемы. По свидетельствам современников, «в редком доме можно было найти какую-нибудь книгу, и то духовного содержания; большинство дворян почти ничего не читало; иные думали даже, что слишком прилежное чтение книг, в том числе и Библии, сводит человека с ума» [Чечулин 1889: 35]. Кроме того шутки с использованием библейских сюжетов, разумеется, были невозможны. Разумеется, авторы художественных произведений не ориентировались на познания и эстетические установки малообразованного общества; более того, его пороки нередко становились объектом высмеивания, причем в этом случае нередко используется такой конструктивный принцип языковой игры, как ассоциативное наложение, т. е. «обыгрывание многозначности или омонимии лексических единиц путём одновременной актуализации альтернативных возможностей интерпретации одной и той же языковой формы» [Гридина 1996: 35]. В таких случаях возникает каламбур, как, например, в стихотворении-притче А. В. Сумарокова «Соболья шуба»:

*В собольей дурака я шубе видел,
Который всех людей, гордяся, ненавидел,
В ком много гордости, известно то, что тот,
Конечно, скот.
И титла этого в народе сам он просит,
Носил ту шубу скот,
И скот и ныне носит.*

Метафорическое наименование *скот*, использованное в данном случае для негативной характеристики недостойного, высокомерного поведения, кстати, не зафиксировано в «Словаре Академии Российской», хотя производные от него образования *скотство*, *по-скотски*, связанные с характеристикой человека, там обнаруживаются [Словарь Академии Российской 1989-1784: 5: 494-495]. Отметим, что многие случаи привычной современному человеку зооморфной метафоры (например, *змея*, *медведь*, *козёл*, *корова*, *осёл*, *павлин*,

свинья) в данном словаре отсутствуют. Использование их в языке художественной литературы в качестве негативной характеристики персонажа, по-видимому, сыграло важную роль в закреплении метафоры данного типа в русском языке.

Анализ материала показывает, что в сатирической поэзии XVIII века чаще используются аллюзии, связанные не с прецедентными текстами, а с прецедентными феноменами, среди которых особое место занимает научное знание. Данное обстоятельство во многом обусловлено умонастроениями эпохи: характеризуя её особенности, исследователи отмечают, что просветительское движение в России «при решении проблемы человека обращает внимание не столько на воспитание, сколько на образование. Обществу нужны не просто грамотные люди, а высокообразованные профессионалы своего дела. «Идеальный сын Отечества» - образованный дворянин» [Батуева 2013: 11]. Это обстоятельство делает научное знание, а также образование центром внимания той части общества, которая понимает важность научного прогресса и образования в жизни страны. Не последнюю роль сыграло в этом процессе влияние личности М. В. Ломоносова. Будучи выдающимся ученым, он немало сделал и для развития стихосложения, неоднократно использовал поэтические тексты для популяризации научного знания. Среди этих текстов встречаются и шуточные стихи с использованием языковой игры. Например, стихотворение «Случились вместе два Астронома в пиру...» посвящено воображаемому спору Коперника и Птолемея. Итог спору неожиданным образом подводит повар, к которому не менее неожиданно обращается хозяин с просьбой высказать своё мнение о предмете спора, видимо, с целью избежать долгих научных прений, которые на пиру неуместны:

Он дал такой ответ: «Что в том Коперник прав,

Я правду докажу, на Солнце не бывав.

Кто видел простака из поваров такого,

Который бы вертел очаг вокруг жаркова?»

Объяснение научного факта через обыденный пример, сравнение небесного светила с очагом в данном случае демонстрирует пример решения коммуникативной проблемы в

описанной ситуации именно при помощи юмора: высказывание повара в той или иной степени примиряет спорщиков и их слушателей: удовлетворены сторонники гелиоцентрической системы, а их противники не чувствуют себя посрамлёнными, поскольку их мнение оспорил невежественный человек.

Приведём ещё один пример использования аллюзии, связанной с научными открытиями столетия, на этот раз - в области круговорота веществ:

*Собака Кошку съела,
Собаку съел Медведь,
Медведя – зевом – Лев принудил умереть,
Сразити Льва рука Охотничья умела,
Охотника ужалила Змея,
Змею загрызла Кошка.*

Сия

Вкруг около дорожка,

А мысль моя,

И видно нам неоднократно,

Что всё на свете коловратно.

(А. В. Сумароков. Коловратность)

Картина круговорота, построенная как пищевая цепочка, обретает в данном случае дополнительный смысл, подкрепляющийся к тому же использованием прописной буквы в наименованиях животных, как это бывает, например, в баснях. И потому читатель воспринимает данный текст как развернутую аллгорию, связанную с человеческими взаимоотношениями.

Помимо естественнонаучных знаний, в стихотворных произведениях эпохи находят отражения проблем гуманитарного знания, в частности, языкознания. Так, знаменитое макароническое стихотворение М. В. Ломоносова «Бугристы берега, благоприятны влаги» посвящено бесплодности споров о необходимости введения двух разных букв для отображения взрывного и фрикативного звуков [г] и [γ]. В 20 строках этого стихотворения содержится 78 разнородных по семантико-стилистическим особенностям слов с буквой «Г», а их отбор осуществлен таким образом, что не

всегда возможно определить, каким образом следует произносить каждое из них:

*Гневливые враги и гладкословный друг,
Толпыги, щёголи, когда вам есть досуг,
От вас совета жду, я вам даю на волю:
Скажите, где быть га и где стоять глаголю?*

В сатирических текстах XVIII столетия аллюзивный принцип языковой игры реализуется также через обращение к общественно-политическим реалиям. Так, хорошо известное стихотворение М. В. Ломоносова «Гимн бороде» содержит немало намёков на негативные стороны общественно-политической жизни, например, с издёвкой говорится о двойной подати, которые должны платить старoverы в связи с разрешением носить бороду, т.е. практически о налоге на ношение бороды:

*Борода казне доходы
Умножает по вся годы:
Керженцам любезный брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безголовым с бородой.*

Аллюзивный принцип языковой игры, обнаруживающийся в сатирической поэзии XVIII века, как правило, связан с явно выраженной дискредитацией какого-либо явления. Совершенно другой тип дискредитации мы видим в пародии А. В. Сумарокова «Ода вздорная II», в которой он пародирует не общественное явление, а одический стиль М. В. Ломоносова:

*Гром, молнии и вечны льдины,
Моря и озера шумят,
Везувий мечет из средины
В подсолнечну горящий ад.
С востока вечна дым восходит,
Ужасны облака возводит
И тьмою кроет горизонт.
Эфес горит, Дамаск пылает,*

*Тремя Цербер гортаньми лаёт
Средьземный возжигает понт...
Весь рот я, музы, разеваю
И столько хитро воспеваю,
Что песни не пойму я сам.*

Текст пародии написан не по поводу какой-либо конкретной оды, но представляется, что следующий фрагмент «Оды ... на взятие Хотина» М. В. Ломоносова содержит немало соотносительных компонентов:

*Не медь ли в чреве Этны ржёт
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвёт
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает...
За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает....
Пускай земля, как понт, трясёт.*

Пародийный текст А.В. Сумарокова демонстрирует «перифразирование прецедентного текста, сообщающее ему новую, парадоксальную по сравнению с прототипом, интерпретацию» [Гридина 2013: 141]. Языковая игра в данном случае построена на принципе имитации. Имитационное пародирование в тексте достигается как за счет повторения излюбленных Ломоносовым слов (например, грецизм *понт*), так и за счет описания картины извержения вулкана (в тексте Ломоносова оно использовано как метафорическая картина сражения), при этом описание картины сопровождается прецедентными ономастическими единицами, связанными с классической древней литературой. Одические тексты Ломоносова нередко содержат перифрастические элементы, есть такой оборот и в данном случае: турки названы им родом «отверженной рабы» (имеется в виду библейская Агарь). Обилие перифраз и обширных метафор в самом деле может

затруднить понимание текста, что, собственно, и вызывает появление концовки «вздорной» оды, причем автор пародии переводит олицетворение пародируемого текста («Этна... челюсти разинуть хочет») в ситуацию потери образного смысла («Весь рот я, музы, разеваю»), низводя тем самым масштабное описание исторических и природных катаклизмов до ничего не значащего набора слов.

Интересное отражение находит имитационный принцип в сатирическом стихотворении А. В. Сумарокова, которое написано по впечатлениям от официальных документов:

СПРАВКА

З а п р о с

*Потребна в протокол порядочная справка,
Имеет в оном быть казенный интерес,
Понеже выпала казенная булавка;
Какой по описи булавки оной вес,
Железо или медь в булавке той пропала,
В котором именно году она упала,
В котором месяце, которого числа,
Которым и часом, которою минутой,
Казенный был ущерб булавки помянутой?*

О т в е т

Я знаю только то, что ты глупый осла.

Имитационный принцип проявляется в данном случае в пародировании бюрократического требования массы абсолютно ненужной информации о несущественном событии, возведенном в ранг государственной проблемы.

Имитация речевых высказываний довольно часто используется в прозаическом художественном тексте XVIII столетия в качестве средства дискредитации, создавая негативную речевую характеристику персонажа [Щербакова 2018]. Встречается такая характеристика и в поэтических текстах, однако их авторы избегают отражения специфики фонетического и морфологического строя речи, делая акцент на лексике. Степень грубости её может такой же, как и в прозаическом произведении. См., например, выше

использование зооморфной метафоры *осёл* в тексте пародии А. В. Сумарокова.

Есть в то же время и существенная разница между прозаическим и поэтическим текстом, связанная с тем, что в прозаических текстах столетия пародирование фонетических и грамматических сторон речи встречается значительно чаще. Иногда этот вид языковой игры становится главным в произведении, как, например, в комедии А. Копьева «Что наше, тово нам и не нада», в которой получила отражение недостаточно образованных дворян, употреблявших в речи просторечные и простонародные словоформы вроде *сюды*, *таперь* и т. п. Что же касается сатирической поэзии, то случаи пародирования фонетических особенностей представлены здесь единичными словоупотреблениями, причем любопытно то, что они дают характеристику речевых предпочтений женщин. Например, героиня сказки И. И. Дмитриева «Модная жена», желая уговорить пожилого супруга совершить покупку, признаётся ему в том, что её «пленила шаль», которая «ужасть как мила». Автор графически выделяет слово *ужасть*, акцентируя тем самым внимание на специфике его лексической сочетаемости и произношения. Ещё один пример предлагает А. В. Сумароков, который в пародийной любовной песне вкладывает в уста женщины такой произносительный вариант, как *слатенький* (дружок).

Имитативный принцип поэтического текста сатирического характера чаще связан с жанром пародии, когда прецедентный текст становится отправной точкой для создания нового текста с целью дискредитации неудачных высказываний. Судя по объектам пародирования, неудачными поэтам XVIII века представляются тексты, содержащие элементы балагурства.

Что касается сходства в использовании принципов языковой игры, то и для прозы, и для сатирической поэзии столетия характерно отсутствие гибридных слов, созданных по принципу ассоциативной интеграции.

Используемый в исследованных произведениях аллюзивный принцип языковой игры имеет специфику по сравнению с современными текстами. Эта специфика выражается в

значительно более редком использовании прецедентных текстов. Тексты сатирической поэзии, таким образом, демонстрируют внимание авторов к языковой игре, которая воспринимается как особое средство художественной выразительности. При этом в произведениях, созданных авторами XVIII столетия, наблюдается тенденция к дискредитации примитивного балагурства.

Литература

Батуева А.Ц. Феномен русского Просвещения: сущность и особенности. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2013. 25 с.

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры). Дис. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. М., 1996. 566 с.

Гридина Т.А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2006. № 4. С. 11-24.

Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. 3-е изд., испр. и доп.- Екатеринбург, 2013. 254 с.

Земская Е. А. Языковая игра. Русская разговорная речь. М., 1983. 240 с.

Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси. Л., 1984. 295 с.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., Флинта, 2023. 344 с.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки В. Я. Пропп. – М., 2002. 370 с.

Рут М.Э., Иванова Е.Н. Языковая игра в дискурсе языковой личности XVIII–XIX вв. // Лингвистика креатива–1: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург, 2013. С. 78–86.

Русская поэзия XVIII века. М., 1972. 734 с.

Словарь Академии Российской: В 6-ти тт. СПб.: Имп. Акад.Наук, 1789-1794.

Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889. 121 с.

Щербакова Н. Н. Конструктивные принципы языковой игры в текстах XVIII века // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С.516-524.

©Щербакова Н.Н., 2023

Раздел III. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ФОРМЫ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

УДК 81'23:811.161.1 '38

ББК Ш141.12-55+Ш141.12-51

Т. И. СТЕКОВА

SPIN-код: 3836-9126

stekovs@inbox.ru

Ю. В. КРЫЛОВ

SPIN-код: 9208-7759

filin1402@gmail.com

г. Новосибирск, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ ДИСКРЕДИТАЦИИ НАРУШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме реакции на нарушение языковых норм. Отмечается, что нарушение норм может быть намеренным (эрратив) и ненамеренным. Намеренное нарушение может быть обусловлено созданием «своего» языка какого-либо сообщества (жаргон падонков), а также стремлением к созданию комического или в педагогических учебных целях. В статье же предметом анализа стало намеренное нарушение языковых норм как способ дискредитирующей реакции на ненамеренные ошибки в интернет-высказываниях коммуникантов. Авторы статьи выявляют типы ошибок, на которые реагируют комментаторы,

отмечают, что не любое нарушение нормы становится стимулом креативной реакции. Анализируются приемы, которые коммуниканты используют для «мягкой» дискредитации нарушения языковой нормы и создания комического эффекта. Делается вывод о том, что авторами подобных реакций являются языковые личности, обладающие параметрами лингвистической креативности.

Ключевые слова: русский язык, нарушения норм русского языка, языковые нормы, языковая игра, лингвокреативность, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникации, интернет-пользователи, интернет-тексты интернет-дискурса.

T. I. Steksova

Novosibirsk, Russia

Yu. V. Krylov

Novosibirsk, Russia

LANGUAGE GAME AS A WAY TO DISCREDIT VIOLATION OF LANGUAGE REGULATIONS IN INTERNET COMMUNICATIONS

Abstract. The article is devoted to the problem of reaction to the violation of language norms. It is noted that violation of the norms can be intentional (errative) and unintentional. Deliberate violation may be due to the creation of "their" language of a community (slang), as well as the desire to create a comic or for pedagogical educational purposes. In the article, the subject of analysis was the intentional violation of language norms as a way of a discrediting reaction to unintentional errors in the Internet statements of communicants. The authors of the article identify the types of errors that commentators react to, note that not any violation of the norm becomes a stimulus for a creative reaction. The techniques that communicants use to "soft" discredit the violation of the language norm and create a comic effect are analyzed. It is concluded that the authors of such reactions are linguistic personalities with the parameters of linguistic creativity.

Keywords: Russian language, violation of the norms of the Russian language, language game, creativity.

Стексова Татьяна Ивановна

доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Новосибирский государственный педагогический университет; 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская 28; steksova@inbox.ru

Steksova Tatyana Ivanovna

Doctor of Philology, Professor of the Department of modern Russian language and methods of teaching it, Novosibirsk State Pedagogical University; 630126, Novosibirsk, st. Vilyuiskaya 28; steksova@inbox.ru

Крылов Юрий Владимирович – кандидат

филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия).

Адрес: Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

E-mail: filin1402@gmail.com

Krylov Yury

Vladimirovitch – Ph.D. of Philological Sciences, assistant professor at the Department of Modern Russian Language and Teaching Methods. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Нарушение норм русского правописания – весьма частое явление в интернет-среде. Лингвисты еще в начале века обратили внимание на сознательное, намеренное искажение правописания, которое терминологически обозначили как

- **э́рратив** (от лат. *errare* в значении «ошибаться») или **какогра́фия** (от др.-греч. *κακός* – плохой и *γράφω* – пишу) – слово или выражение, подвергнутое умышленному искажению носителем языка, владеющим литературной нормой, для придания особого эффекта;

- **жаргон падонков** («падонкаффский», «олбанский» *йезыг, йАзЫг пАдОнКаФф*) — распространившийся с 2000-х годов.

Жаргон падонков формируется в Рунете в начале двухтысячных годов. В основе этого языка лежат несколько приемов, намеренно искажающих правописания слов: «падонкаф», «жывотнае», «узбагойся», «ржунимагу» и прочее.

Отсутствие пробелов, замена морфологического принципа написания на фонетический (замена звонких конечных согласных на глухие, замена гласных букв в слабой позиции И/Ы, О/А) и прочее.

Было отмечено, что сферой функционирования подобного написания были комментарии в блогах, чатах и веб-форумах. Предпринимались попытки выявить коммуникативные цели использования искаженного написания. Так, по мнению Г.Ч. Гусейнова, эрративы, возникшие в сфере сетевых журналов, изначально реализуют интенцию говорящего специализировать речь определенной группы интернет-пользователей, это язык «для своих», понимаемый и принимаемый только членами сообщества [Гусейнов 2005].

По наблюдениям М. Кронгауза [Кронгауз 2013], данный стиль формируется как способ проявления творческого начала у пользователей сети. В начале века русскоязычное сообщество интернета осваивает новую коммуникативную ситуацию, пространство общения, в котором любой человек является не только читателем, но и автором, комментатором. В результате язык падонков оказывается способом проявить креативность. И «разрушение» в первую очередь происходит на самом косном уровне языка – на уровне орфографии, т.е. там, где до сих пор невозможно было творчество и даже просто отступление от правил.

К концу первого десятилетия двухтысячных язык падонков уходит на периферию и постепенно исчезает из актуального дискурса. Это связано, как минимум, с тремя причинами.

Во-первых, интернет становится более доступным и получает широчайшее распространение. Пользователи второго десятилетия века – это уже не только представители IT-сферы или просто хорошо образованная молодежь. В результате языковые шутки перестают быть понятными для большинства интернет-пользователей.

Во-вторых, интернет становится более скоростным, что позволяет носителям активнее использовать мультимедийный контент: картинки, анимацию, звук. В результате шутка,

языковая игра уже не ограничивается работой только со словом или с текстом.

В-третьих, интернет-дискурс постепенно более формализуется и формируется как значимый элемент коммуникации: веб-страница, электронная почта, страничка в социальных сетях – все это становится уже не просто личными текстами частных лиц, но превращаются в необходимый элемент бизнес-коммуникации. В результате различные языковые шутки в тексте начинают восприниматься именно как ошибки.

Таким образом, можно согласиться с выводами М. Кронгауза и констатировать, что намеренное искажение русской орфографии в Рунете, характерное для начала тысячелетия теперь воспринимается чаще как ошибка или описка, что само по себе может становиться объектом иронии.

Другие исследователи обратили внимание на то, что искаженное написание используется для создания комического, как в стихотворении А. Иванова:

*В худой котомк поклав ржаное хлебо,
Я ухожу туда, где птичья звон,
И вижу над собою синий небо,
Лохматый облак и широкий крон.
Я дома здесь, я здесь пришел не в гости,
Снимаю кепк, надетый набекрень.
Веселый птичк, помахивая хвостик,
Насвистывает мой стихотворень.
Зеленый травк ложится пол ногами,
И сам к бумаге тянется рука,
И я шепчу дрожащими губами:
«Велик могучим русский языка!»
Вот кто живет в шкафу.*

В детской литературе используется в педагогических целях, как в стихотворении А. Шибаяева «Грустные вести».

*Пришло письмишко мне,
Гляжу – из лагеря от Мишки:
Здесь чудный лук и я лижу,-
Написано в письмишке.*

Лук лижет? Что за чудеса? –

Наверно, шутит плут.

Читаю дальше:

Здесь лиса, красивый длинный прут.

Вчера в лису нашел я грусть

И очень был доволен..

- Нет, нет, не шутит он,

Боюсь, мой друг серьезно болен!

Вернется, надо подлечить –

Заставить правила учить.

Еще в 70-х гг. 20в. Б.Ю. Норман опубликовал в газете для детей «Ленинские искры» стихотворение с заданием найти все неправильности в грамматическом роде:

Слыхали эту новость?

У нас в шкафу живет

Тот, кто люблю овощь,

Любой продукт съжует.

Он яблок, помидору

И всю картофель съест,

Баранок без разбора

Умнет в один присест.

Прожорлив как собака,

Тот, кто в шкафу живет:

Пропала тюль и тапок

И туфель на меху.

Он съел жилету кунью

И дедовских папах,

Персолью и шампунью

Который весь пропах.

Тот, кто ж ту путь проделал

Из шкафа в антресоль?

Мышь ненасытный, где он?

Где он, огромный моль?

Вы скажите: не верим!

Чтоб все пустить в труху?

...Но есть обжора – Время-

Эти и подобные им стихи привлекают внимание к нарушению норм орфографии, неверному определению рода существительных, явлению омонимии, т.е. основаны на нарушении норм русского языка. Встречаются и тексты, в основе которых – словотворчество, создание новых слов, как у Н. Кончаловской:

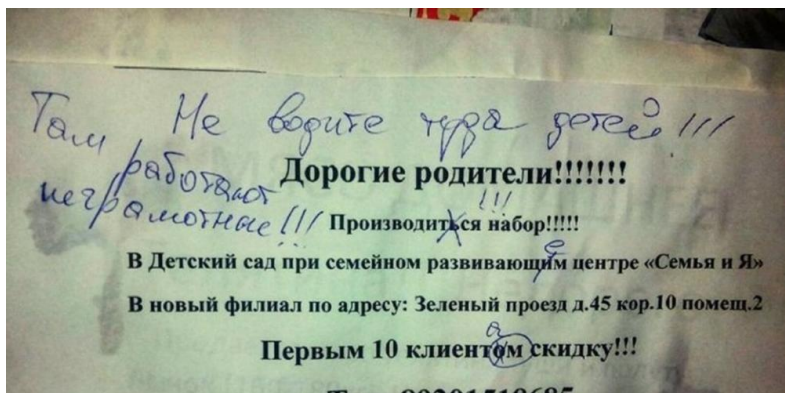
*Показал садовод
Нам такой огород,
Где на грядках, засеянных густо,
ОГУРБУЗЫ росли,
ПОМИДЫНИ росли,
РЕДИСВЕКЛА, ЧЕСЛУК и РЕПУСТА.
СЕЛЬДЕРОШЕК поспел,
И МОРКОФЕЛЬ дозрел.
Стал уже осытаться СПАРЖОВНИК,
А таких БАКЛАЧКОВ,
Да мохнатых стручков
Испугался бы каждый садовник.*

Но важно отметить, что наряду с намеренным искажением норм правописания в современных интернет-текстах встречается огромное количество орфографических, пунктуационных, грамматических и стилистических ошибок, причем авторы текстов не всегда осознают это. Лингвисты видят за этим не только безграмотность коммуникантов, но и определенные динамические процессы в языке, происходящие в современный период [Басалаева, Ружа, Шпильман 2016; Басалаева, Шпильман 2015; Норман 2023].

Нам же интересно проанализировать речевую реакцию коммуникантов на непреднамеренное нарушение языковых норм русского языка авторами интернет-сообщений. Для проведения данного исследования было собрано более трехсот контекстов с примерами реакций на нарушение норм правописания. Контексты выбирались как методом сплошной выборки, так и с использованием соответствующих хештегов (#орфография, #грамматика, #русский язык, #ошибки). Источником контекстов послужили личные переписки в мессенджерах Ватсап и Телеграм, переписки в социальной

сети Вконтакте, а также развлекательные сайты uaplakal.com, pikabu.ru, cinichka.ru.

Указания на ошибочное написание встречаются довольно часто в интернет-сообщениях. В одних случаях адресаты просто исправляют ошибки, в других дополняют советом проявить не только вербальную реакцию:

Надо признать, что современным интернет-сообществом замечания о безграмотности не приветствуются:

- *Рассказ отличный, но есть опечатка. Надо: «Если вы ищете, кто послал мальчика...».*

При том, что автор этого комментария выбрал слово *опечатка* вместо *ошибка*, т.е. снизил категоричность замечания, оно вызвало негативную реакцию:

- *это не столь важно, не на уроке правописания.*

Подобные реакции позволяют сделать логичный вывод, что, по мнению некоторых интернет-пользователей, интернет-коммуникация не обязана соблюдать правила орфографии и пунктуации, а замечать ошибки некорректно и даже неприлично. Грамотные люди испытывают некоторый дискомфорт от чтения неграмотного текста, но вынуждены при этом извиняться за свою грамотность:

...хорошо написано, легко. Немного не хватило редактуры. Совсем немного. Не буду уточнять. Оставлю любителям

ошибки «мусолить» и нравочения раздавать налево и направо)))

- когда интересно читать рассказы, вижу грамматические ошибки, но отношусь к ним, как к опечатке.

Некоторые даже пытаются иронизировать по поводу похвалы грамотности:

- Иногда так и делают, все люди одинаково мудаки, пол тут ни при чем.

- Божечки, впервые вижу, что кто-то написал «ни при чем» правильно.

- Вообще спасибо. Не люблю хвастаться, но я олимпиядник по рускому.

В целом же ошибка в сети стала восприниматься амбивалентно: либо именно как ошибка, признак неграмотности, неаккуратности, либо как элемент творчества, способ реакции на безграмотность собеседника.

Таким образом, можно выделить первый способ реакции на ошибки - это отношение к ошибкам как к опечаткам классическим или возникшим в результате автозамены “умной клавиатуры”. Адресат проявляет толерантность, снижает категоричность своего комментария и ошибку безоговорочно считает опечаткой.

Другой тип реакций на ошибочное написание – **намеренное нарушение правил правописания** в комментарии-реакции. Такие комментарии и являются предметом нашего исследования. Как представляется, коммуникативной интенцией подобных реплик-реакций является дискредитация безграмотности, но не за счет прямого указания на ошибку, явного менторства, а путем **креативного привлечения внимания** к ошибкам. В связи с этим возникает два основных вопроса: на какие типы ошибок реагируют комментаторы и какие приемы они используют для создания комического эффекта?

Ошибки и опечатки в сетевом общении представлены довольно широко и относительно разнообразно. При этом некоторые из них настолько частотны, что сами по себе превратились в мемы. Например:

В данном случае реакция на непонятный адресату набор иероглифов должна привлечь внимание исследователя сразу по двум причинам. Во-первых, это отсылка к одной из самых распространенных ошибок в сетевом общении: неразличение личных форм глагола и инфинитива (ТСЯ-ТЬСЯ). Ошибка настолько частая, что адресат как бы намекает на ее глобализм и возможность ее выделения в любом диалоге. Во-вторых, как уже было отмечено выше, прямое указание на ошибки и опечатки собеседника в сети зачастую воспринимаются негативно, как перевод вектора разговора с сути на личные качества адресанта.

Чтобы определить круг ошибок, привлекающих внимание комментаторов, вызывающих реакцию читателей, необходимо задать параметры этих ошибок, определить основание для возможности систематизации ошибок. Возможной основой такого подхода может стать система орфографических норм и “соответствующие им орфографические правила, которые подразделяются на три большие группы: (1) буквенный состав слов; (2) слитное, раздельное и дефисное написание (сюда же можно отнести правила употребления апострофа); (3) употребление прописных букв” [Шмелев 2020, с.46]. Анализ

языкового материала показал, что подавляющее большинство ошибок, вызывающих ответную реакцию, связаны с первым и вторым пунктами: слитное или раздельное написание слов и выбор буквы в слабой позиции. При этом часть примеров не вписывается в данную систему:

1. Игнорирование буквы Ё (реже - Й). Как правило, это связано с тем, что данная буква не получила отдельной клавиши в виртуальной клавиатуре.

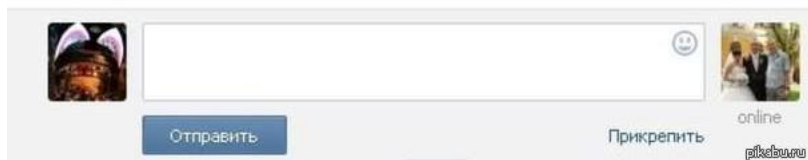
The screenshot shows a chat interface with the following messages and scores:

- Zepesch** (2 часа назад): Так спирт не гнетет. Score: -6
- nEkToSAN** (2 часа назад): Как можно сделать две ошибки в слове из 5 букв? Score: +11
- gizmoid** (2 часа назад): а какая вторая?)) Score: -1
- CmdrGREY** (2 часа назад): Напишите вашу версию, мне прям интересно, где там две ошибки. Score: -1
- WinterUnicorn** (1 час назад): Гниёт. Score: +5
- CmdrGREY** (1 час назад): Использование Е вместо Ё не является ошибкой. Score: -1
- WinterUnicorn** (1 час назад): Я очень надеюсь, что мы скоро передохнем от этих снегопадов. Score: +19
- Zomblee** (37 минут назад): давно пора. Score: 0

2. Нарушение грамматического строя высказывания (пренебрежение знаками препинания, разрушение строя предложения)

 Паша 17:11:45
привет чо в больнице лежала упала

 Оксана 17:14:26
привет колбаса тюлень с бородой спасибо же

3. Написание числительных (как правило, порядковых) в виде “кентавров” - сочетания цифры и аффикса.

У родителей 2ды горел балкон

Я думал, меня уже не удивить никакой креативной орфографией, но «2ды», которое нужно разгадывать, как ребус... Снимаю шляпу

3. Опечатки, технические замены букв или слов “умной клавиатурой”

Sashko Gas

Один эпидот на всю страну?...скучененько как-то 😞

сегодня в 16:20 Ответить

Александр Филипчик Sashko

Sashko, эпидот это химический элемент какой-то?

сегодня в 21:46 Ответить

Таким образом, выстраивая систему сообщений-стимулов, вызывающих ответную креативную реакцию, можно предложить многоуровневую модель:

1. Опечатки
 - a. Автозамена слов “умной клавиатурой” (*ждите сутки - ждите суки*)
 - b. Неверная буква в слове (*эпидот - эпизод*)
2. Ошибки орфографические, пунктуационные:
 - a. Ошибки в написании проверяемых гласных и согласных
 - b. Ошибки в написании непроверяемых букв (словарные слова, традиционный принцип).
Заемствованные слова.
 - c. Ошибки со знаками препинания (лишние или отсутствие)
3. Ошибки грамматические
 - a. Грамматическое или синтагматическое рассогласование
 - b. "Разрушение" порядковых числительных
4. Ошибки стилистические
 - a. Нарушение стилистического единства
 - b. Использование просторечий, слов-паразитов

Рассмотрим варианты реакций на ошибки.

1. Опечатки

Автозамена слов “умной клавиатурой” (*ждите сутки - ждите суки*)

Креативные реакции бывают вызваны опечатками в репликах-стимулах:

- *Я хочу огурцы с кабачка ми с делать*

- *Вместе.*

- *У меня бабушка патроны клала. В принципе они похожи и на вкус и на консистенцию.*

- *От калаша или от ружья?*

- *Патисоны. Вот что на автозамена тупенькая.*

Адресанту очевидно, что данная ошибка-опечатка вызвана не безграмотностью адресанта, а его невнимательностью к работе искусственного интеллекта клавиатуры, который предложил автозамену слова. Коммуниканты прекрасно понимают, что была допущена опечатка, но используют ее для шутки. Невнимательность к отправленному тексту, отсутствие итоговой редакции, очевидно, не является раздражающим фактором для появления замечаний: можно обратить внимание на пробелы в словах *кабачками* и *сделать*, которые не вызвали ответной реакции адресата. При этом автозамена *патисонов* на *патроны* показалась адресату продуктивной моделью для креативности. Обыгрывание схожих в результате ошибки слов (варианты омонимии или паронимии) порождают различные каламбуры, которые, в свою очередь, являются продуктивной моделью языковой игры как в русском дискурсе, так и порой на межязыковом уровне, как отмечают С.С. Медведев и А.Г.Фомин [Медведев, Фомин 2019] Отсюда можно сделать вывод, что креативная реакция на ошибку/опечатку последует в случае, когда сама ошибка/опечатка содержит в себе потенциал для творческой интерпретации.

Неверная буква в слове (*эпидот - эпизод*)

Ошибочный набор буквы порождает новое «слово», которое у адресата вызывает ассоциацию по звучанию с названиями элементов периодической системы Менделеева, что он и отразил в своей реплике-реакции.

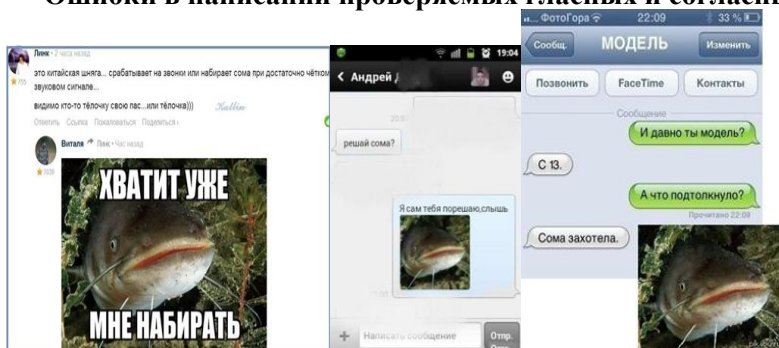
В следующем примере автор допускает опечатку в слове, которая позволяет двойную интерпретацию ее высказывания (*помыла машину* или *помяла машину*, т.е. попала в аварию). Адресат выбирает ту интерпретацию, которая ему больше по душе:

- *Я машину помыла.*
- *Господи, пусть будет Б!*

В обоих случаях (как при замене слова «умной клавиатурой», так и при классических опечатках) адресат не воспринимает ситуацию как ошибку и не ставит целью исправить, но использует потенциал получившегося неверного слова для создания комического эффекта.

2. Ошибки орфографические, пунктуационные:

Ошибки в написании проверяемых гласных и согласных

Ошибочное написание местоимения *сама* в сочетании с глаголом *решиай*, который в жаргоне имеет значение «убить», позволяет адресату переосмыслить реплику-стимул, приписать ей совсем другое значение, которое визуализируется в изображении сома и ироничной ответной угрозе, где используется и проверочное слово *сам*. Смещение омофонов *сама-сома* является довольно частой ошибкой в интернете, что отражается в формировании соответствующего мема с сомом.

Другим приемом обыгрывания ошибочно написанного слова является использование омофонов, как в следующей реакции за счет омофонов слов *нагая* и *нога* в Тв.п.:

- *Шелк настолько легкий и невесомый, что позволяет почувствовать себя нём ногой.*

- *Я чувствовала себя кем угодно, но ногой еще никогда.*

Кроме того, ошибка в написании, приведшая к употреблению другого реально существующего слова, может быть актуализирована за счет использования в ответной реплике другого слова из той же тематической группы:

- *Я в химии не селен.*

- *Да ты и в русском языке не алюминий.*

Использование в реплике-стимуле лексемы *химия* в сочетании с ошибочным написанием краткой формы прилагательного *сильный*, совпавшим с названием химического элемента, позволили адресату в ответной реплике использовать название другого элемента периодической системы.

Ошибки в написании непроверяемых букв (словарные слова, традиционный принцип). Заимствованные слова.

В диалоге о кофе можно наблюдать традиционную проблему в написании слова *эспрессо*. При этом адресат развивает концепцию ошибки, соотнося *капучино* с *Купчино* (районом Санкт-Петербурга). Таким образом адресат обыгрывает ошибку в смешении паронимов *эспрессо/экспресс*, предлагая следующую пару: *Купчино/капучино*. В данном примере получает развитие паронимия как прием обыгрывания ошибки адресанта.

Какой кофе любишь
больше всего?
Я эспрессо

Я капучино
А эспрессо это ведь
как-то связано с
поездом, разве нет?)

А капучино это вроде
район в питере

Ошибки со знаками препинания (лишние или отсутствие)

 yuhanj 11 месяцев назад +33 :

Ловите, некроманта!

 Halkogolik 11 месяцев назад +79 :

Положи запятую туда, откуда взял.

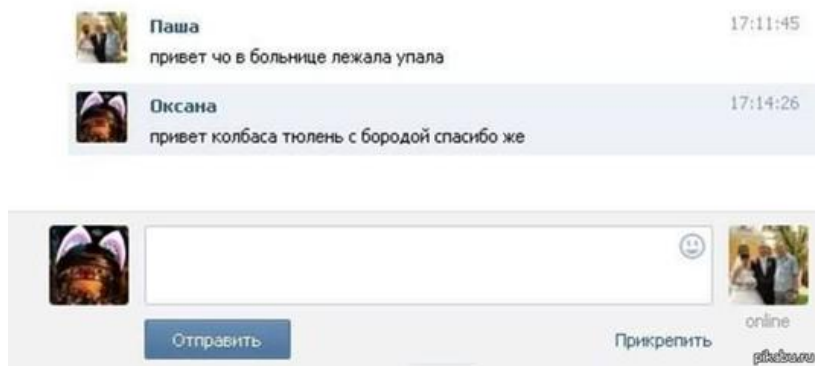
 Appolo13 11 месяцев назад +57 :

Товарищи у меня украли запятую!

«Наивная орфография», о которой заявлено в статье [Басалаева, Ружа, Шпильман 2016], может быть, в том числе, представлена и в наивной пунктуации. Ее принципы представлены в данном контексте: запятая поставлена «на всякий случай», чтобы выделить обозначаемого субъекта (схоже с правилом выделения обращений). Реакция на ошибку реализует расхожий в интернете контекст о том, что «вот набор запятых – расставьте сами».

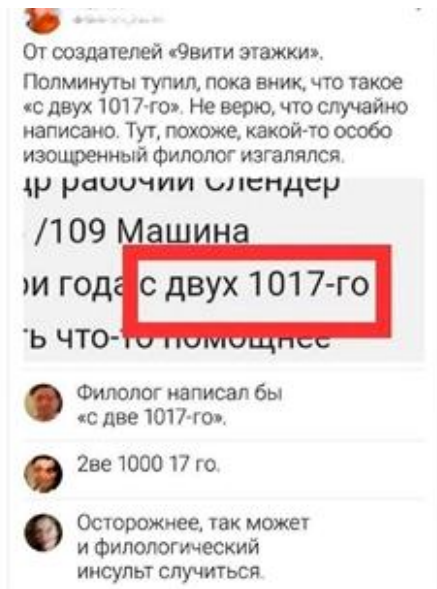
3. Ошибки грамматические

Грамматическое или синтагматическое рассогласование

Близость виртуального общения и разговорной речи отражаются в том, что появляются синтагмы, которые сложно разделить на отдельные высказывания. Отсутствие знаков препинания и, как результат, нерасчлененное высказывание разворачиваются в ответной реплике случайным набором слов, тем самым адресат реализует предложенную конструкцию диалога: набор слов, связанных между собой тематически, но рассогласованных грамматически. При этом адресат творчески перерабатывает инициальную реплику и происходит подмена: в ответной реплике слова не связаны грамматически и выглядят как случайный набор, в котором все же угадывается связь с инициальной репликой: адресат понимает интенцию инициального высказывания и, принимая его структуру как условия коммуникации, строит ответное высказывание по той же конструкции.

"Разрушение» порядковых числительных

Склонение числительных традиционно считается сложной темой в разделе “Культура речи”. Носители языка это, очевидно, чувствуют. Одновременно оказываются важными различие порядкового/количественного числительного в контексте и решение проблемы написания составных числительных: *две тысячи семнадцатый*, как в примере. В результате появляется вариант сочетания слов и цифр, что можно соотнести с идеей “кентавров”, предложенной для описания слов, состоящих из русских и латинских морфем [Крысин 2010]. Примечательны здесь реакции пользователей, один из которых иронично предположил, что это пример изощренного издевательства филолога, а другой, напротив, оценил подобное написание как способ довести филолога до инсульта.

4. Стилистические ошибки

Нарушение стилистического единства, использование просторечий, слов-паразитов

Иронической реакции подвергается и стилистически неоправданное употребление слова в ненормативном значении. Так, пользователь рекламы задает вопрос продавцам устройства

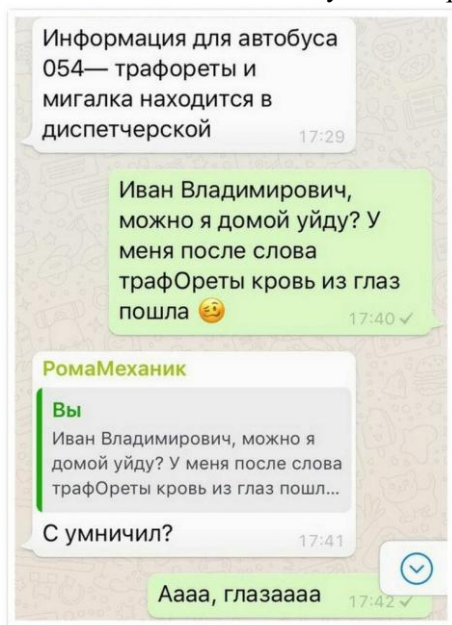
для укладки волос, используя лексему *чисто* в значении лексемы *только*:

- *Это чисто гофре? Или выпрямитель тоже?*

Ответ представителя бренда актуализирует прямое значение слова *чисто* за счет использования сравнительной степени:

- *Добрый день. Это чисто гофре. Чище не бывает.*

Официальные диалоги (общение со службой поддержки, обращение к официальным аккаунтам) предполагают правильную, грамотную речь. Появление ошибок или даже просто опечаток в данном случае воспринимается негативно:

Очевидно, что это пример рабочего чата и официальное объявление от начальства. Авторитет Ивана Владимировича, его статус начальника накладывает на него определенные обязательства по отношению к грамотности речи. Можно предположить, что такая ошибка в личном, неформальном общении могла бы не вызвать такой острой реакции.

Отметим, что различные креативные реакции на ошибки в сети вполне соотносятся с типологией приемов языковой игры в

художественном тексте, отмеченной в лингвистической литературе (см., например, [Гридина 2020]). Можно говорить лишь о различиях в частотности того или иного приема. Так, в интернет-коммуникации весьма частотным является прием подбора аналогичного примера, обыгрывание формы (очевидная иллюстрация ошибки)

 Zepesch 2 часа назад -6 ○○○
Так спирт не гнеет

 nEkToSAN 2 часа назад +11 ○○○
Как можно сделать две ошибки в слове из 5 букв?

gizmoid 2 часа назад -1 ○○○
а какая вторая?))

CmdrGREY 2 часа назад -1 ○○○
Напишите вашу версию, мне прям интересно, где там две ошибки

 WinterUnicorn 1 час назад +5 ○○○
Гниёт

CmdrGREY 1 час назад -1 ○○○
Использование Е вместо Ё не является ошибкой.

 WinterUnicorn 1 час назад +19 ○○○
Я очень надеюсь, что мы скоро
передохнем от этих снегопадов.

 Zomblee 37 минут назад ○ ○○○
давно пора

Довольно часто при этом используется прием «передразнивания», когда в реплике реакции используется то же написание, что в реплике-стимуле, как в следующем примере:

- *Как правильно говорить: позвонишь или позвонись?*

- *Позвонись.*

- *Спасибо.*

Правило произношения можно было бы маркировать выделением ударного слога, но спрашивающий этого не сделал, поэтому в ответе также ничего не выделено. В другом примере в

реплике-реакции намеренно используется форма неверно написанного слова, причем совершенно не обращается внимание на отсутствие знаков препинания:

- *Добрый вечер по поводу телефон за 9000 или за 9500 не ододите срочно куплю.*

- *Не ододю.*

Прием передразнивания позволяет адресату намеренно исказить правописание слов, так же как это ненамеренно делает его коммуникант:

- *Надо еще каво не быть*

- *Надо*

- *Каво?*

- *Кого! Серег, «кого», а не «каво»!*

- *А вас кока? Так и не понятно, всколькером?*

- ***Какрастыке ясно – ввасьмиром.***

Если на ошибки в первой реплике адресат не обращает внимания, то повторная ошибка вызывает у него реакцию в виде замечания, которое не возымело действия, и тогда в ответной реплике адресат уже сам намеренно искажает правописание, передразнивая своего собеседника.

Распространенным приемом креативной реакции можно назвать и так называемый «еврейский ответ», т.е. ответ на вопрос встречным вопросом:

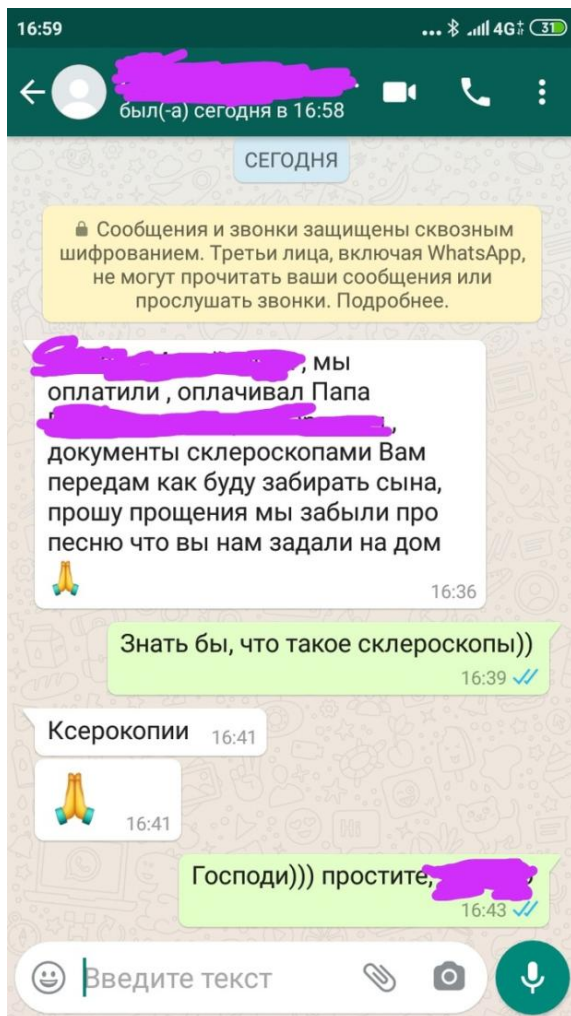
- *Почему вы пишете «кофе-брейк»? Ведь можно сказать «перерыв на кофе»?*

- *Почему вы пишете «почему вы пишете»?*

В реплике-стимуле автор выступил в качестве «борца за чистоту русского языка», противника заимствований, но сам допустил ошибку в написании глагола, на что сразу обратил внимание его адресат и задал встречный вопрос.

Но наряду с известными приемами языковой игры собранный материал позволяет выделить и приемы, не типичные для языковой игры в художественном тексте.

1. Отношение к слову с ошибкой, как к неизвестному, требующему пояснения семантики, а не исправления грамматики и/или орфографии.

2. Придание ошибке статуса самостоятельно действующего субъекта.

 Вадим
ты не интересная и скучная 😏

 Руслана
да пошел ты

 Вадим
привет О, что ты тут делаешь?

 Руслана
привет сижу в вк, а ты???

 Вадим
ну это намек на ошибку, окда?

 Руслана
ну извени сежу я не чайно

 Вадим
😏

я это заскриню!

pikebu.ru

Ошибочное написание глагола *пошел* с буквой *о* после шипящей вызывает ироничное восприятие коммуникантом этой буквы как равноправного участника коммуникации, появившегося в переписке независимо от воли адресанта, и позволяет адресату поприветствовать «нового участника» общения: *привет, О, что ты тут делаешь?* Этот пример интересен еще и тем, что адресант не понимает иронию, отвечает на вопрос, который «задан букве». А на прямое замечание, что это был намек на ошибку, отвечает репликой, в которой допущено уже три орфографические ошибки. Заметим, что однозначно интерпретировать, было это сделано из-за

безграмотности или же автор намеренно поддержал иронию коммуниканта, в данной ситуации весьма сложно.

Особо следует отметить случаи, когда адресант креативно реагирует на высказывание адресата, в котором тот прямо отмечает ошибки в реплике-стимуле, иначе говоря, проявляется креативная реакция на реакцию адресата.

- Как дела? Что делаешь?

Почему молчишь?

Спишь что ли?

- Господи, я так больше не могу! Все это пишется с мягким знаком: делаешь, молчишь, спишь.

- Понял, не сердись, малышь.

О том, что в последней реплике слово *малыш* написано с мягким знаком сознательно, свидетельствует улыбающийся смайлик, который сопровождает эту реплику.

Аналогично и в следующем примере:

- Как пишеца видишь или видишь?

- Видишь. Но я бы на твоём месте разобралась со словом «как».

- А что не так?

В первой реплике ошибочно написание глагола *пишеца*, но адресат реагирует не на эту ошибку, которую, вероятно, считает допустимой, а на явную опisku в местоимении, что вызывает ироничную реакцию первого коммуниканта в виде намеренного повтора этой опisky в следующем местоимении.

Подводя итоги, заметим, что намеренное нарушение норм русского языка оказывается действенным способом борьбы с безграмотностью уже тем, что привлекается внимание к наиболее частотным и элементарным правилам русского языка. Этот способ дискредитации безграмотности воспринимается как наиболее толерантный, со сниженной категоричностью, и позволяющий указание на ошибку перевести в игровую форму. Понятно, что не все пользователи интернета способны на это. Это особый тип людей *homoludens* (человека играющего), которым свойственны рефлексивная составляющая языковой способности, ассоциативная лабильность, речевая

раскованность, развитый операциональный компонент языковой способности [Гридина 2013, с.82-83]. Языковые личности, обладающие параметрами лингвистической креативности, безусловно, имеют индивидуальные особенности, изучение которых позволило бы выявить определенные типы, что может представлять собой перспективу дальнейших исследований.

Литература

Басалаева Е.Г., Ружа О.А., Шпильман М.В. Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания// Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 59-69.

Басалаева Е.Г., Шпильман М.В. Многоточие как объект языковой рефлексии в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 248- 255.

Гридина Т.А. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна // Лингвистика креатива-5: коллективная монография/ под общей редакцией Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2020. С.14- 60.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. 3-е изд., исп. и доп.; ФГБОУ ВПО «УрГПУ», Екатеринбург, 2013.

Гусейнов Г.Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику.2005. http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения - 10.07.2023).

Кронгауз М. Самоучитель Олбанского. — М.: Corpus, 2013. — 288 с. — Фрагмент. — 5000 экз. — ISBN 978-5-17-077807-2.

Крысин Л. П. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-"кентавры" // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте: сборник научных статей. – 2010. – Т. 1, № 1. – С. 195-199.

Медведев С. С., Фомин А. Г. К вопросу о статусе межъязыкового каламбура // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 3. – С. 234-243. – DOI 10.17223/18137083/68/21.

Норман Б.Ю. Аграмматические тексты и их место среди продуктов речевой деятельности// VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. №2(7). С. 66-77. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-66-77

Шмелев А. Д. Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы - есть ли проблема? // Русская речь. – 2020. – № 4. – С. 42-53. – DOI 10.31857/S013161170010734-6.

©Стексова Т.И., 2023

©Крылов Ю.В., 2023

УДК 811.161.1'42:003.086'
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-67

С.С. ТАЛАШМАНОВ

SPIN-код: 7046-9820

г. Екатеринбург, Россия

talashmanov96@mail.ru

В РОССИИ ДВЕ ПРОБЛЕМЫ – ТИРЕ И ДЕФИС: О ТОНКОСТЯХ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ В ЖАНРЕ ИНЕТРНЕТ-МЕМА

Аннотация. В статье рассматривается специфика игрового дискурса интернет-коммуникации как феномена, отражающего разные уровни рефлексии говорящих над особенностями языковой системы, в частности, над спецификой употребления и функционирования знаков препинания, которые в жанре русскоязычного интернет-мема стали проявлением смеховой культуры и «массового лингвокреатива». Лингвокреативный аспект порождения и восприятия пунктуационных знаков в мемах, правила их употребления связаны с проблемным полем русской пунктуации: сложностью постановки запятых, спецификой их употребления и вариативностью. Неумение соблюдать элементарные пунктуационные нормы становится предметом злой иронии и насмешки. Отдельно рассматривается статус таких знаков препинания, как точка, точка с запятой, тире и дефис, специфика обыгрывания которых нашла особый отклик в жанре интернет-мема. Можно утверждать, что мемы о пунктуации являются оперативной реакцией на лингвистические прецеденты данного типа, отражая внимание к пунктуационному оформлению речи как к сфере коммуникативной компетенции пользователей Сети. В лингвокреативном ключе обыгрываются пунктуационные распространенные случаи их нарушения.

Функциональное перекодирование семантики языковых прототипов в игровом поле осуществляется в соответствии с принципами *«ассоциативной идентификации, ассоциативного наложения, ассоциативной имитации, ассоциативной прово-*

кации» (термины Т.А. Гридиной), в целом принимая характер серийного тиражирования дискредитируемых языковых ошибок.

Ключевые слова: языковая игра, лингвокреативность, игры, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникации, интернет-тексты, интернет-дискурс, интернет-мемы, русский язык, пунктуация, точка, запятая.

TWO PROBLEMS IN RUSSIA – A DASH AND A HYPHEN: ON THE SUBTLETS OF RUSSIAN PUNCTATION IN THE INTERNET MEME GENRE

TALASHMANOV SERGEY S.

(Yekaterinburg, Russia)

talashmanov96@mail.ru

Abstract. The article discusses the specifics of the game discourse of Internet communication as a phenomenon that reflects different levels of reflection of speakers on the features of the language system, in particular, on the specifics of the use and functioning of punctuation marks, which in the genre of the Russian-language Internet meme have become a manifestation of laughter culture and "mass linguistic creativity". The linguistic and creative aspect of the generation and perception of punctuation marks in memes, the rules for their use are associated with the problematic field of Russian punctuation: the complexity of setting commas, the specifics of their use and variability. In this case, the competent use of punctuation marks is positioned by the authors of memes as a correlation between intelligence and literacy, and the inability to observe even the most elementary punctuation norm becomes the subject of malicious irony and ridicule. Separately, the status of such punctuation marks as period, semicolon, dash and hyphen is considered, the specifics of playing with which found a special response in the Internet meme genre. It can be argued that memes about punctuation are an operational response to linguistic precedents of this type, reflecting attention to the punctuation of speech as a sphere of communicative

competence of Internet users. In a linguo-creative vein, punctuation common cases of their violations are played up.

Functional recoding of the semantics of language prototypes in the playing field is carried out in accordance with the principles of “associative identification, associative overlay, associative imitation, associative provocation” (terms by T.A. Gridina), generally taking on the character of a serial circulation of discredited language errors.

Keywords: language game, linguistic creativity, game, Internet meme, punctuation, dot, comma, Internet communication, Dash, hyphen, Internet discourse.

Талашманов Сергей Сергеевич – ассистент кафедры общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия). Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281. Email: talashmanov96@mail.ru

Talashmanov Sergej Sergeevich – Assistant of the Department of General Language Knowledge and Russian. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

Особым аспектом анализа языковой игры в интернет-коммуникации является её лингвопрагматическая направленность, отражающая мировоззренческие установки социума в разных видах речевой деятельности. В этом ключе получает особую значимость изучение разных типов «игрем» (вербальных единиц, являющихся продуктом языковой игры [Гридина 1996: 42]) в свете интенций говорящих к их порождению, а также характера восприятия в зависимости от жанрового своеобразия и функциональной ориентации. Соответственно при учете данного фактора в фокусе внимания интернет-коммуникации оказывается игровой дискурс как феномен, отражающий разные уровни рефлексии говорящих над особенностями языковой системы, в частности, над спецификой употребления знаков препинания в русском языке. Так как интернет-коммуникация характеризуется имитацией устной речи и отсутствием строгого канона, то использование правил пунктуации, попадая в поле языковой игры, приобрело особенности намеренного нарушения с целью нестандартного употребления знаков препинания, под-

чёркивающего в «стёбной» манере их функционирование в разных дискурсивных практиках пользователей Сети.

В общем ключе *стилистические* особенности пунктуации в сети Интернет сводятся к экспрессивности – на это указывает, например, такое частотное явление, как аномальное количество восклицательных и/или вопросительных знаков в конце какой-либо синтаксической единицы, намеренная парцелляция (псевдопарцелляция), и графический знак «»», заменяющий запятые (см. рис. 1).

Таким образом, членение и выделение смысловых отрезков текста в стилистическом плане усиливают экспрессивную и фатическую (контактоустанавливающую) функции устной разговорной речи в Интернет-пространстве, которые начинают доминировать над информативной.

В современной парадигме изучения языка особое место занимает лингвокреативный аспект использования и восприятия пунктуационных знаков, правил их употребления, в частности, «происходит выработка такой системы речевого общения, которая диктует специфические, игровые, экспериментальные алгоритмы порождения и употребления знака, позволяющие коммуникантам выйти за пределы стереотипов «строгого» речевого узуса» [Гридина, Талашманов 2019: 31].

Обыгрывание употребления знаков препинания становится объектом такого массового жанра, как интернет-мем, который представляет собой «мнемическую единицу передачи культурно значимой информации о каком-либо объекте в комической форме, которая чаще всего имеет креолизованный характер. Первая (вербальная) часть — короткий словесный комментарий ко второй (невербальной) части, представленной фотографией, рисунком, схемой, символом и т. п.» [Гридина, Талашманов 2020: 135]. Мемы также призваны транслировать популярные концепты и образы, «они отражают события действительности,

информируя и провоцируя дискуссию; они транслируют мировоззрение авторов другим пользователям, играя роль в производстве и воспроизводстве культуры» [Зиновьева, 2015: с. 195]. В данном жанре интернет-коммуникации соотношение с обыгрываемым прототипом, функциональное перекодирование (двуплановость восприятия) осуществляется в соответствии с такими «конструктивными принципами языковой игры», как «ассоциативная интеграция, ассоциативная идентификация, ассоциативное наложение, ассоциативная выводимость, ассоциативная провокация» [Гридина 1996].

В качестве иллюстрации рассмотрим серию интернет-мемов, в которых обыгрывается популярное пунктуационное правило запрета постановки запятой между подлежащим и сказуемым (см. рис. 2).

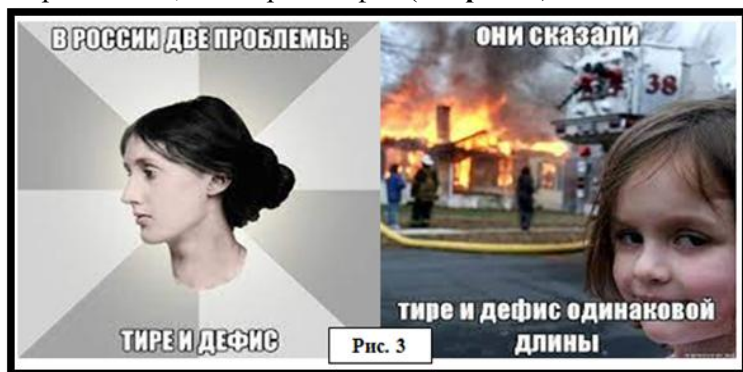
В основе данного мема лежит ироническая насмешка над человеком, который не умеет соблюдать даже самую элементарную пунктуационную норму из школьного репертуара. Мем построен по принципу «ассоциативной провокации», так как в заключительной реплике неожиданно сам автор начинает тиражировать данный тип ошибки, ставя запятую между подлежащим «люди» и сказуемым «делают».

В представленном меме (см. рис. 2) тиражируется тот же тип популярной ошибки. Эффект «ассоциативной провокации» достигается употреблением запятой между подлежащим «я» и

составным глагольным сказуемым «запрещаю ставить». Императивная семантика глагола усиливает иронию, создавая контекст угрозы, притом что автор мема сам намеренно совершает ошибку.

Креативно обыгрывается в мемах популярный прецедентный феномен, который заключается в ошибочном выборе таких знаков препинания, как тире и дефис (см. рис. 3).

Отметим, что игра эксплуатирует прием трансформации распространенной сентенции: «В России две беды – дураки, дороги», при этом в качестве игрового прототипа, а именно разграничения знака тире и дефис, эксплуатируются лингвистические знания из школьного «репертуара» изучения русского языка. «Для ряда носителей языка разница в использовании тире и дефиса заключается исключительно в их графической форме. Содержательный же аспект не принимается во внимание в силу разных причин: преимущественно это незнание или игнорирование правил, отсутствие связи между знаком и смысловым содержанием, связанным с использованием знака, и пр.» [Басалаева, Ружа, Шпильман 2016: 61].

Мем, изображающий улыбающуюся девочку на фоне горящего дома, обладает абсурдной стратегией содержания: люди, говорящие, что «тире и дефис одинаковой длины», то есть не различающие эти знаки, могут быть подвержены опасности вследствие своей некомпетентности в сфере употребления зна-

ков препинания (ср. также вербальный ряд мема: «*Людам, не различающим тире и дефис, уготовано место в адском котле*»).

Таким образом, в мемах обыгрывается формальное отношение пользователей Сети к осмысленному выбору двух совершенно разных по своей функциональной значимости знаков препинания. Разграничение тире и дефиса также становится не только признаком интеллектуальной речи, но и своего рода корреляцией «между умом и грамотностью» при соблюдении какой-либо нормы.

Проанализированный языковой материал относится к типу «*метаязыковых мемов*» [см. об этом Гридина, Талашманов 2019, 2020], так как в них представлено «соотношение невербального ряда с метаязыковым прототипом» [Гридина, Талашманов 2019: 33], в нашем случае – с постановкой запятой между двумя главными членами предложения, что является нарушением популярного школьного правила. Обыгрываемые единицы синтаксиса и правила постановки знаков препинания получают «новый смысловой импульс, связанный с перекодированием специального знания в русло проблематики, актуальной для пользователей социальных сетей. Моделирование и дешифровка подобных «метаязыковых игр» [см. Гридина, Талашманов 2020] апеллируют, с одной стороны, к рефлексии над языковыми фактами в свете их собственно лингвистической квалификации, с другой стороны, к метакомментариям, преднамеренно (парадоксально) вписывающему прототип в иную систему координат» [Гридина, Талашманов 2020: 135].

Весьма иронично в этом же ключе обыгрывается безграмотность пользователей Сети и их нежелание ставить запятые при создании какого-либо текста. Сравните серию мемов (рис. 4), посвящённых запятой как знаку препинания, который, к сожалению, оказывается не столь популярным в текстовом поле Интернет-коммуникации.

Это запятая

Купон на запятые

10 штук

Используй ее

Рис. 4

Данные мемы имитируют ситуативный контекст, при котором у пользователей Сети якобы закончились запятые, поэтому они ими не пользуются. Устойчивое выражение учительского репертуара «*отсутствуют запятые*» в таком контексте перекодировается в новое русло: слово «отсутствуют» в ситуации, когда «запятые не ставятся в нужном месте» приобретает дополнительное значение «товарного дефицита»: «запятых нет в наличии». Таким образом, авторы мемов, выражая некий протест, предлагают пользователям сети либо «бесплатные» купоны на запятые, либо целую коробку с запятыми. Ирония, создаваемая конструктивным принципом «ассоциативной имитации», подчёркивается присутствием в коробке некоего «набора для грамотности»: «*учебника по русскому языку*» и «*детектора пунктуационных ошибок*», которые в нужный момент помогут коммуникатнту не только вспомнить о запятых, но и правильно расставить их. Наличие запятых в таком случае становится признаком интеллектуальной речи в интернет-коммуникации.

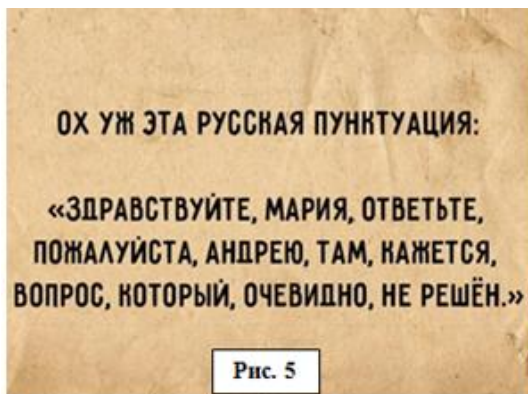
Креативно обыгрывается стечение синтаксических единиц, которые требуют либо обособления запятыми, либо постановку запятой на границе частей сложного предложения (см. рис. 5).

В данном меме автор «намеренно» создал такой текст, в котором запятыми выделено практически каждое слово. По правилам постановки знака препинания запятыми выделяется обращение «*Мария*», вводное слово «*пожалуйста*», затем граница главной части сложноподчи-

нённой конструкции с указательным, а затем вводным словом: «*там, кажется, вопрос*» и граница определительного придаточного с вводным словом «*очевидно*». В подобном меме (см. рис. 6) субъектам интернет-коммуникации в шуточно-иронической форме предлагается оценить особенности постановки запятой в русском языке и в английском.

Смеховой эффект создаётся за счёт контраста, который содержит намек на более «упрощённый» синтаксис английского языка. Таким образом, в ироничном ключе характеризуется сложность, «аномальность» как постановки знаков препинания в русском языке, так и частотность этого явления, вызванная структурно-семантическим и интонационным принципами русской пунктуации.

Примечательным становится и обыгрывание русскоязычного набора текста, который связан с отступом (пробелом) после запятой и его отсутствием при постановке запятой после слова (см. рис. 7). Правило редакторской правки текста гласит, что после слова перед запятой пробел не нужен, но после запятой

Английский язык: 1 запятая на весь текст

Русский: Привет, Семён, ты, наверное, устал? Я, конечно, могу, может быть, помочь, позволишь?

перед словом ставится *один* пробел (см. об этом [Былинский, Розенталь 2017]).

ТОТ, _ КТО	адекватный и вменяемый человек
ТОТ, КТО	есть странности (или кончились знаки в твиттере)
ТОТ, _ , КТО	наглухо перекрытый олигофрен
ТОТ, _ , _ КТО	опасен для общества и самого себя, вызывайте скорую

Рис. 7

Мем в гиперболизированной форме обыгрывает данное правило, комически отождествляя его нарушение с психофизиологическим состоянием человека. Коммуникант, соблюдающий правильный набор текста «*тот, кто*», является «адекватным и вменяемым» человеком, однако если отсутствует пробел после запятой, то это уже «человек со странностями» (ирония подчёркивается уточняющей фразой «или кончились знаки в твиттере», отсылающей к ограниченному количеству графических знаков в социальной сети Twitter). В последних «провокационных» примерах, представляющих собой вербальную агрессию, которая маркируется сниженной разговорной лексикой, коммуникант, нарушающий правило, обозначается как человек с явными ментальными расстройствами. Очевидно, что такое нарушение «академического набора текста» (по Д.Э. Розенталю) является, мягко говоря, не эстетичным для пользователей Сети, в частности, для тех, кто связан с редакторским ремеслом.

Для системного понимания феномена пунктуации в мемах следует обратиться к такому знаку препинания, как «точка»,

которая получает специфическое наполнение в аспекте речепо-
рождения и речевосприятия в поле Интернет-коммуникации. Во-первых, вся структура порождаемого текста, навеянная кли-
повым мышлением, носит «гиперчленимый» характер: одно
большое сообщение коммуникант может «членить» и отпра-
влять, как бы «дописывая» одно за другим, создавая «цепочку
разрозненных фраз». В таком случае каждый «отрезок мысли»
носит характер завершённого сообщения с точки зрения интер-
нет-дискурса, акцентируя на себе внимание и приобретая ха-
рактер заголовка, в котором ставятся все знаки препинания,
кроме точки, выступающей маркёром завершения смыслового
отрезка текста. Во-вторых, в конце подобного сообщения, если
оно повествовательное, принято ставить графические скобки
«)»», обозначающие положительные эмоции, эмодзи, представ-
ляющие собой язык идеограмм и смайликов. Иногда коммуни-
канты используют хаотичный набор графических символов (ср.,
например:)00)(()(*)(())), маркируя таким образом абсурдность
и нелепость коммуникативной ситуации. Таким образом, пере-
численные символы функционируют в дискурсивном поле ин-
тернет-коммуникации как завершающие смысловой отрезок
знаки, замещающие точку.

Точка, в свою очередь, попадает в новое ассоциативное русло
и получает специфический отрицательный оттенок значения.
Данный пунктуационный знак, зачастую в комическом ключе,
начинает являться маркёром проявления обиды, негативной си-
туации и даже вербальной агрессии (ср. серию мемов – рис. 8).

Рис. 8

Мемы с точкой в конце предложения носят провокационный характер, создавая типовой сюжет, когда партнёр соглашается с собеседником, но на самом деле всё-таки обижается, реагируя таким образом на какую-либо ситуацию, в частности, затекстовую.

Особый статус в жанре интернет-мема приобретает и такой знак препинания, как «точка с запятой», использующийся в бессоюзных предложениях, которые значительно распространены. Серия мемов (см. рис. 9) содержит намек на «упрощенность» синтаксиса в поле интернет-дискурса.

Рис. 9

Точка с запятой, являющаяся признаком «развернутой» речи, к сожалению, практически не востребована в коммуникативных практиках интернет-общения. Мем, изображающий «антропоморфизированную» точку с запятой на приёме у доктора, моделирует за счёт эффекта «ассоциативного отождествления» диалоговую ситуацию, в которой пациент жалуется на свою «ненужность», ожидая помощи.

Рассмотрим пример популярного мема, в котором пунктуация маркирует грамматико-синтаксические связи между членами предложения (см. рис. 12). В диалоговой форме представлен бытовой личностно-интимный сюжет

— Дорогая, мне посуду мыть
или ты потом сама помоешь?
— Хорошо мой любимый.
— Уточни, пожалуйста, —
«хорошо, мой любимый»,
«хорошо, мой, любимый»
или «хорошо мой,
любимый»?

Рис. 10

между партнёрами, в котором игровая рефлексия, заданная ситуативным перекодированием смысла, развивается через омонимию форм двух лексем (ср. «хорошо, **мой любимый**»: **МОЙ** – притяжательное местоимение в форме им.п., ед.ч. // «хорошо, **мой**, любимый»: **МОЙ** – глагол в форме императива). Таким образом, метафорическая пресуппозиция отождествляется с ситуацией «домашних обязанностей» между партнёрами, подкрепляясь «ассоциативным наложением» двух синтаксических функций при постановке запятой в конкретном месте: 1) хорошо, **мой любимый** – обращение, состоящие из притяжательного местоимения и субстантивированного прилагательного; 2) хорошо, **мой**, любимый – простое глагольное сказуемое, обособленное от обращения «любимый».

Последнюю реплику «хорошо мой, любимый» также можно интерпретировать с точки зрения омонимии форм, частеречная принадлежность которой реализуется за счёт постановки запятой: 1) **хорошо**, мой любимый – модальная частица, выражающая согласие; 2) **хорошо** мой, любимый – наречие образа действия в сочетании с глаголом повелительного наклонения

«мой». Игровой эффект усиливается за счёт второй реплики «*хорошо мой любимый*», которая изначально провоцирует читателя самостоятельно выбрать место постановки запятой, отсылая к прецедентной идиоме «Казнить нельзя помиловать». Таким образом, в мемах активно обыгрывается изоляция той или иной формы слова с помощью запятой, диктующей систему словоизменения какой-либо части речи и приобретение ею нового грамматического значения, создающего эффект языковой игры.

Обобщая сказанное, отметим, что пунктуация в поле языковой игры обладает большим эвристическим потенциалом, транслируя популярные концепты и образы, актуальные для коммуникантов. Пунктуация может выступать предметом насмешки, злой иронии, может являться оперативной реакцией на какой-либо прецедент (например, отличие тире от дефиса, точка в конце предложения), может намеренно заострять внимание пользователей на определённых специфических ситуациях (например, частотная обособляемость разных синтаксических единиц) и даже порождать дискуссию или серию новых мемов, этим объясняется их разнообразие и изобилие в лингвокреативном поле современной интернет-коммуникации. Пользователями активно обыгрываются стереотипы, связанные со сложностью постановки запятых, их частом отсутствии в интернет-текстах, спецификой употребления и вариативностью. Действительно, русская пунктуация с синхронной и диахронной точек зрения является дискуссионным феноменом в аспекте своей функциональной значимости и классификации (см. труды Р. И. Буслаева, А. Б. Шапиро – логическое и смысловое направление основ пунктуации; Я. К. Гротт – синтаксическое направление; Л. В. Щерба, А. М. Пешковский – интонационное направление). С одной стороны, языковое сообщество располагает социально осознанной системой кодифицированных норм, с другой стороны, мы обладаем лишь фрагментарными общими знаниями о том, как их реализация варьируется в текстах разной коммуникативной природы (см. об этом [Ярица 2009]). Из этого следует, что пунктуация обладает многогранным стилистическим и лингвокреативным потенциалом, который является неотъемлемой

частью лингвопрагматической направленности интернет-коммуникации.

Таким образом, исследование функционирования пунктуации в лингвокреативном поле выявляет всю многогранность не только различных нюансов её интерпретации, но и углубляет ассоциативный план языковой и метаязыковой рефлексии пользователей Сети.

Можно утверждать, что мемы о пунктуации являются оперативной реакцией на лингвистические прецеденты данного типа, отражая внимание к пунктуационному оформлению речи как к сфере коммуникативной компетенции пользователей Сети. В лингвокреативном ключе обыгрываются пунктуационные распространённые случаи их нарушения. Репрезентация пунктуационных знаков в жанре интернет-мема апеллирует к языковой системе в целом и, в частности, к правилам употребления отдельных знаков, которые становятся объектом смеховой культуры коммуникантов.

Источники

Капризный лингвист [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/lengvizm>.

Pinterest, паблик «Лес рук» [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://ru.pinterest.com/pin/826973550311644303/>

Филологическая дева [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/ph_maiden

Литература

Басалаева Е.Г., Ружа О.А., Шпильман М.В. Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания // Сибирский филологический журнал. 2016. №3.

Былинский, К. И., Розенталь Д. Э. Литературное редактирование : учебное пособие / К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. — 4-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2017. — 395 с.

Голев Н. Д. Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте: постановка проблемы и программа экспериментального исследования // Языковая ситуация в России начала XXI века. Кемерово, 2002. Т. 1. С. 146–160.

Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива-3 / Под общей редакцией Т.А. Гридиной. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 14-75

Гридина Т. А. Мотивационная рефлексия как вид метаязыковой деятельности ребенка // Детская речь как предмет лингвистического изучения : тез. конф. (31 мая — 2 июня 2004). — СПб., 2004.

Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте : моногр. 3-е изд., испр. и доп. / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2013. 254 с.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с

Гридина Т. А., Талашманов С. С. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов. — DOI 10.26170/pl19-03-03. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 31—37

Гридина Т. А., Талашманов С. С. Метаязыковой мем: лингвокреативные механизмы порождения и восприятия / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 134-143.

Зиновьева Н.А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов // ВЭПС. 2015. №1.

Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 165—185.

Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики персональных жанров Интернет-дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 154–159.

Шапиро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация. 2-е изд. М.: Просвещение, 1974. 296 с.

Шубина Н. Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста. М., 1999. 455 с.

Ярица Л. И. Пунктуационные нормы и тенденции их изменения в неcodифицированных текстах: На материале конспектов студентов томских вузов: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 255 с.

©Талашманов С.С., 2023

Раздел IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

УДК 81'23:811.161.1'373.211

ББК Ш100.6+Ш141.12-316

И. А. ВАУЛИНА

г. Екатеринбург, Россия

phonosemant@mail.ru

SPIN-код: 5743-9477

УРБАНОНИМЫ ЕКАТЕРИНБУРГА В АСПЕКТЕ ИХ ВОСПРИЯТИЯ¹

Аннотация. Статья посвящена психолингвистическому исследованию убанонимов (названий улиц Ленинского района города Екатеринбурга) в аспекте их восприятия и порождения. Цель автора – выявление уровня считывания современными носителями языка (жителями города) признаков, положенных в основу наименования улиц Екатеринбурга, а также исследование оценочного восприятия топонимов горожанами, установление актуальных / утративших актуальность для городских жителей принципов номинации улиц. В соответствии с целью экспериментальная серия включает в себя два этапа: свободный ассоциативный эксперимент и ономаσιологический эксперимент, в ходе которого предлагается не назвать ассоциацию, а дать название либо прокомментировать уже имеющееся. В результате экспериментов сделан вывод, что наибольшие затруднения у респондентов вызывает считывание внутренней формы убанонимов, образованных по меморативному принципу. Вы-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Правительства Свердловской области, грант № 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>

явлены принципы, являющиеся для респондентов наиболее предпочтительными в процессе порождения названий улиц: характеризующий и ориентирующий. Анализ названий улиц, предложенных респондентами, с точки зрения принципов и способов номинации позволил установить следующие тенденции: стремление к упрощению названий, смещение фокуса внимания от прецедентных имен, названий, событий к лично-значимым реалиям.

Ключевые слова: урбанонимы, ономастика, уральские города, названия улиц, горожане, топонимика, принципы номинации, годонимы, психолингвистические эксперименты.

VAULINA IRINA A.

Yekaterinburg, Russia

URBANONYMS OF YEKATERINBURG IN THE ASPECT OF THEIR PERCEPTION²

Abstract. The article is devoted to the psycholinguistic study of urbanonyms (street names of the Leninsky district of Yekaterinburg) in the aspect of their perception and generation. The purpose of the work is to identify the level of reading by modern native speakers (residents of the city) of the signs underlying the naming of Yekaterinburg streets, as well as to study the evaluative perception of toponyms by citizens, to establish the principles of street nomination that are relevant/no longer relevant for urban residents. In accordance with the purpose, the experimental series includes two stages: a free associative experiment and an onomasiological experiment, during which it is proposed not to name the association, but to give a name or comment on what already exists. As a result of the experiments, it

² The current research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region, grant No. 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>

was concluded that the greatest difficulties for respondents are caused by reading the internal form of urbanonyms formed according to the memorative principle. The principles that are the most preferred for respondents in the process of generating street names are revealed: characterizing and orienting. The analysis of the street names proposed by the respondents from the point of view of the principles and methods of nomination allowed us to establish the following trends: the desire to simplify names, shifting the focus of attention from precedent names, names, events to personally significant realities.

Keywords: urbanonym, nomination principles, psycholinguistic experiment.

Ваулина Ирина Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

E-mail: phonosemant@mail.ru

Vaulina Irina Aleksandrovna – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of General Linguistics and Russian Language. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Актуальность психолингвистического исследования урбанонимов (в точки зрения их восприятия современными горожанами) обусловлена как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими факторами. К экстралингвистическим можно отнести активное строительство, появление новых улиц и, следовательно, «увеличение объема урбанонимического материала» [Голомидова 2001: 23]. В качестве лингвистических факторов следует отметить «смену лексико-тематической парадигмы мотивирующей базы урбанонимов» [Березович 1992: 23-27].

В свете сказанного представляет интерес выявление отношения жителей г. Екатеринбурга к урбанонимам (удовлетворенности / неудовлетворенности имеющимся фондом наименований) путем психолингвистического эксперимента (в настоящей работе принимается широкое понимание урбанонимов как «названий топографических объектов, имеющих точную при-

вязку к городской территории» [Разумов 2015: 18], в том числе – улиц).

Цель экспериментальной серии предполагала, во-первых, выявление уровня считывания современными носителями языка (жителями города) признаков, положенных в основу наименования улиц Екатеринбурга дореволюционной и современной систем; во-вторых, исследование оценочного восприятия годовиков Екатеринбурга горожанами, установление актуальных/утративших актуальность для городских жителей принципов номинации улиц (см. экспериментальное исследование эргонимов в аспекте их восприятия потенциальным адресатом [Гридина, Коновалова 2022a: 30-45; 2022b: 31-50]).

В соответствии с целью экспериментальная серия включала в себя два этапа:

1. Свободный ассоциативный эксперимент рассматривается в психолингвистике как «главный инструмент создания эмпирической базы для выявления самого тезауруса потенциальных ассоциативных связей в проекции на конкретные тематические сферы, охваченные сознанием языковой личности» [Гридина, Коновалова 2020: 39].

От испытуемых требовалось привести любые ассоциации к названиям улиц г. Екатеринбурга. Стимульный материал включал в себя названия улиц, принадлежащие к старой (дореволюционной) и новой системам наименования:

Дореволюционный Екатеринбург

- Авиационная
- Кольцевая улица
- Ковровый переулок
- Кузнечная улица

В советское время и наши дни

- 8 марта
- Декабристов
- ул. Розы Люксембург
- ул. Щорса
- Волгоградская
- Банковский переулок

Отобранные эргонимы иллюстрируют разные принципы номинации [см. о принципах Шмелева 2013]: ориентирующий (*Авиационная*), характеризующий (в том числе фиксирующие внешний облик улицы – *Кольцевая*, характеризующие жителей улицы по роду их занятий – *Кузнечная*, описывающие предметы и реалии, связанные с занятиями людей – *Ковровый переулок*), меморативный (номинации, представляющие имена революционеров, видных военных и политических деятелей, героев гражданской и ВОВ – ул. *Розы Люксембург*, ул. *Щорса* и т.д.), демонстративный (названия, посвященные знаменательным событиям – *8 марта*) и др.

В анкете стимулы были даны в виде списка без указания принадлежности названия к старой или новой системам наименования.

Гипотеза: в ассоциативных полях эргонимов могут находить отражение признаки, положенные в основу их номинации, при этом о степени считывания мотивированности названия можно судить с учетом распределения такого рода реакций в ассоциативном поле (ядро, ближняя, дальняя или крайняя периферия).

2. **Ономастиологический эксперимент** представляет собой вариацию ассоциативного эксперимента, в ходе которого предлагается не назвать ассоциацию, а дать название либо прокомментировать уже имеющееся название. Как отмечает М.Э. Рут, подобный вариант опроса чрезвычайно информативен в социологическом отношении, так как «зашифровывает замысел опроса (антипредвзятость) и дает толчок к креативному осмыслению называемого (антиформализм)» [Рут 2011: 70]. Ср. аналог такого эксперимента [Рут 2022: 228].

Инструкция была сформулирована в виде вопросов: *Какие улицы г. Екатеринбурга Вы хотели бы переименовать? Предложите свои названия этих улиц.*

Гипотеза: эксперимент, ориентированный на исследование ономастического сознания современных горожан, может выявить коммуникативно неэффективные названия улиц и установить наиболее предпочтительные для респондентов принципы номинации.

Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента включал в себя два этапа: количественную и качественную обработку.

На этапе **количественной** обработки осуществлялся подсчет повторяющихся реакций и составление ассоциативных полей с выделением зон ядра, ближней, дальней и крайней периферии. При этом к ядру относились самые частотные реакции, к ближней периферии – реакции с меньшим индексом частотности, с отличием от ядерных в несколько единиц; к зоне дальней периферии относились реакции в интервале с еще меньшим индексом частотности, нижняя граница которого равна 2 повторяющимся ассоциатам; в зону крайней периферии вошли единичные реакции.

Качественный анализ представлял собой распределение всех реакций (как ядерных, так и периферийных) по ассоциативным доминантам (термин Т.А. Гридиной), «в основе выделения которых лежит соотнесенность групп ассоциатов с определенным вектором их содержательной и/или формальной интерпретации» [Гридина, Коновалова 2020: 35].

Проиллюстрируем полученные данные на материале стимулов ул. *Щорса*, ул. *Кольцевая*.

Улица Щорса:

(Название меморативного типа: свое название улица получила в 1930-е гг. в честь **красного командира Н. А. Щорса**)

1. Количественная обработка

Ядро: *автовокзал (5)*;

Ближняя периферия: *Южный автовокзал (2)*; *центр (2)*;

Крайняя периферия: *армия*; *зубной врач*; *дом творчества*; *трамвай*; *фамилия знакомой*; *ни с чем*; *с щеткой*; *щётка*; *с Щорсом*; *Южный рядом с работой*; *офицер русской императорской армии*; *центр*; *шины*; *шлюхи (в начале 2000х там они стояли)*; *пробки*; *Германия*; *общага*; *щенок*; *человек по имени Щорс*; *Зеленая роща*; *человек, поэма*; *усы*; *балкон*, *химик*, *качелька*; *с моряками*; *чесет*; *поэт*; *автовокзал*; *школа*; *писатель*.

2. Качественная обработка

- городские объекты, расположенные на данной улице: *автовокзал (5), Южный автовокзал (2), стоматология; дом творчества; общага; Зеленая роща; школа;*
- городской транспорт: *трамвай;*
- личность, в честь которой названа улица: *человек по имени Щорс; офицер русской императорской армии, химик, писатель, ученый, поэт какой-то;*
- обстановка на улице: *пробки;*
- ситуативные реакции: *щенок;*
- место расположения улицы: *центр (2), рядом с работой;*
- отказ от ответа: *ни с чем;*
- ассоциации по созвучию: *с щеткой; щётка.*

Экспериментальные данные позволяют заключить, что имя лица, в честь которого названа улица, утратило свою актуальность для респондентов. Все попытки прояснить логику наименования ошибочны.

Улица Кольцевая

(Улица, имеющая очертания круга, характеризующий годоним)

1. Количественная обработка

Ядро: *Кольцо (6),*

Ближняя периферия: *Аэропорт (4), аэропорт Кольцово (3), круговое движение (2),*

Крайняя периферия: *круг, дорога, дорожное кольцо или кольцевая композиция в произведении, распутье, конец навигатора, Москва, замкнутая улица, кольцо из Властелина Колец и Хоббита, с МКАДом, далеко, связывающая несколько улиц (больше 3), лампа, дорога без пробок, пробки, с кольцевыми червями, ананас, веревка, кольцо на дороге, икеа, большое движение автотранспорта транспортное, обручальное кольцо, круг, бублик, кольцевые гонки, Соник круговорот, жители пилоты.*

2. Качественная обработка

- реакции, проясняющие внутреннюю форму названия: *Кольцо (6), круговое движение (2), круг, дорожное кольцо, замкнутая улица, кольцо на дороге;*

- реакции, проясняющие внутреннюю форму названия через другой, созвучный мотиватор: *Аэропорт (4), аэропорт Кольцо-*

во (3), кольцо из Властелина Колец и Хоббита, с кольцевыми червями, обручальное кольцо;

- городские объекты, расположенные на данной улице: парк, икеа;

- реакции, маркирующие личностный смысл стимула: ананас, веревка;

- место расположения улицы: далеко;

- дорожная обстановка на улице: дорога без пробок, пробки.

В результате анализа данных *свободного ассоциативного* эксперимента удалось установить, что мотивация названий, в основу которых положены признаки, указывающие на отличительные особенности улиц, легко считывается испытуемыми. Урбанонимы, образованные по характеризующему и ориентирующему принципам, в полной мере выполняют информативную и дифференцирующую функции. При этом считывание внутренней формы названий, в основу которых положен меморативный принцип, вызывает у респондентов существенные затруднения.

Анализ данных *ономазиологического эксперимента* предполагал сопоставление существующего и нового (предложенного респондентом) названий улиц с точки зрения принципов номинации (исторические справки даны с опорой на [Зорина, Слуккин 2005]).

Представим полученные данные в виде таблицы 1

Таблица 1

Существующие названия и их анализ с точки зрения принципов номинации	Предложенные респондентами названия для замены и их анализ с точки зрения принципов номинации
Проспект Космонавтов (Меморативный принцип – название посвящено свершениям советских космонавтов)	Улица Педагогическая (потому что там находится УрГПУ) Ориентирующий принцип: в качестве ориентации выбирается какое-либо здание или сооружение, являющееся

	продуктом человеческого труда, находящееся в пределах города (актуальное для конкретного респондента)
Ул. 8 марта Демонстративный принцип: <i>название, посвященное знаменательному событию (в честь Международного женского дня)</i>	Центральная Принцип характеризующий: название, показывающее соотнесенность с другими улицами города
8 марта Демонстративный принцип: <i>название, посвященное знаменательному событию (в честь Международного женского дня)</i>	Почтовая Ориентирующий принцип в качестве ориентации выбирается какое-либо здание или сооружение, являющееся продуктом человеческого труда, находящееся в пределах города, в данном случае – актуальное для конкретного респондента
К. Либкнехта Меморативный принцип: улица названа в честь деятеля германского и международного рабочего и социалистического движения, одного из основателей коммунистической партии Германии Карла Либкнехта	Муслима Магомаева Меморативный принцип: номинация, представляющая имя деятеля сферы культуры и искусства, лично значимого для респондента
Шаумяна Меморативный принцип: номинация, представляющая имя революционного деятеля Степана Георгиевича Шаумяна, одного из 26 бакинских комиссаров	Пестеля Меморативный принцип: номинация, представляющая имя офицера, участника военных кампаний 1812—1814 годов.
Родонитовая	Изумрудная

<p>Принцип характеризующий: название описывает предметы и реалии, связанные с занятиями людей – там существовали шахты по добыче руды</p>	<p>Принцип характеризующий: в названии предлагается вынести предмет той же тематической группы, но по каким-либо причинам более предпочтительный для респондента</p>
<p>Гагарина Меморативный принцип: номинация, представляющая имя первого русского космонавта</p>	<p>Улица 1 июня (т.к. это день защиты детей) Демонстративный принцип: номинация, посвященная знаменательным датам – Дню защиты детей</p>
<p>Московская Демонстративный принцип: название, посвященное столице России</p>	<p>Свердловская Демонстративный принцип</p>
<p>Санаторная Ориентирующий принцип: в качестве объекта ориентации выбирается какое-либо здание или сооружение, являющееся продуктом человеческого труда – санаторий</p>	<p>Горная (не ясна мотивация названия, вероятно, выбрана по принципу рифмовки с существующим вариантом названия)</p>
<p>2-я Новосибирская Ориентирующий принцип: в качестве ориентации выбирается название другого города</p>	<p>Екатерининская Меморативный принцип: номинация, представляющая имя императрицы Екатерины I</p>
<p>Патриса Лумумбы Меморативный принцип: номинация, представляющая имя политического деятеля, национального героя Демократической Республики Конго</p>	<p>Патриса Меморативный принцип: номинация, представляющая имя политического деятеля, при этом предлагается упрощение названия</p>
<p>Долорес Ибаррури</p>	<p>Страстная (мотивация на-</p>

<p>Меморативный принцип: номинация, представляющая имя политического деятеля, участницы испанского коммунистического движения</p>	<p>звания респондентом не проясняется)</p>
<p>Донбасская Ориентирующий принцип: в качестве ориентации выбирается название другого города</p>	<p>Дальняя Принцип характеризующий: название, показывающее соотношенность с другими улицами города</p>
<p>Пальмиро Тольятти Меморативный принцип: номинация, представляющая имя политического деятеля, генерального секретаря <u>Итальянской коммунистической партии</u></p>	<p>Тольятти Меморативный принцип: номинация, представляющая имя того же политического деятеля, но респондентом предлагается структурное упрощение названия</p>
<p>Царская Меморативный принцип: номинация, посвященная царской семье</p>	<p>Романовых Меморативный принцип: номинация, посвященная царской семье, но респондентом предлагается конкретизация названия</p>
<p>Союзная Меморативный принцип: номинация, представляющая название страны – Советского Союза</p>	<p>Французская Меморативный принцип: номинация, представляющая название страны – Франции</p>

<p>Банковский переулок</p> <p>Ориентирующий принцип: в качестве ориентации выбирается какое-либо здание или сооружение, являющееся продуктом человеческого труда (в данном случае – Уральская областная контора Всероссийского Кооперативного Банка, связь с мотиватором утрачена)</p>	<p>Центральный</p> <p>Принцип характеризующий: название, показывающее соотнесенность с другими улицами города</p>
<p>Вайнера</p> <p>Меморативный принцип: номинация, представляющая имя Л.И.Вайнера, участника революционного движения на Урале</p>	<p>Успенская или пл.1905 г.</p> <p>Ориентирующий принцип: в качестве ориентации выбираются торговый центр «Успенский» или площадь 1905 г.</p>
<p>Проспект Ленина</p> <p>Меморативный принцип: номинация, представляющая имя политического деятеля, В.И.Ленина</p>	<p>Центральный, главный проспект</p> <p>Принцип характеризующий: название, показывающее соотнесенность с другими улицами города</p>
<p>Еремина</p> <p>Меморативный принцип: номинация, представляющая имя революционного деятеля В.И. Ерёмина, одного из комсомольских деятелей на Урале</p>	<p>Спортивная</p> <p>Ориентирующий принцип: в качестве ориентации выбирается спортивный центр</p>

Не все респонденты дали полный ответ на вопрос в инструкции. В некоторых случаях были названы только улицы для переименования и не предложен альтернативный вариант:

- **Складской проезд** (*ориентирующий принцип*, название связано с нахождением на указанном месте складов);

- **Начдива Васильева** (*меморативный принцип*, номинация, представляющая имя военного деятеля Макара Васильева, председателя ЧК и военного командира Камышлова, который формировал 1-й Камышловский полк Красной Армии);
- **Онуфриева** (*меморативный принцип*, номинация, представляющая имя военного деятеля Ивана Онуфриева);
- **Крупносортчиков** (*принцип характеризующий*, название, характеризующее жителей улицы по роду их занятий, крупносортчик – это рабочий, занятый на производстве металлопроката крупного сорта. Название улицы Крупносортчиков в Екатеринбурге связано с рабочими Верх-Исетского завода);
- **Патриса Лумумбы** (*меморативный принцип*, номинация, представляющая имя политического деятеля, национального героя Демократической Республики Конго);
- **Бориса Ельцина** (*меморативный принцип*, номинация, представляющая имя первого Президента России);
- **Ленина** (*меморативный принцип*, номинация, представляющая имя политического деятеля, В.И.Ленина)

Кроме того, предложены привлекательные для респондентов названия без указания улиц, которые хотелось бы переименовать:

- урбанонимы-позитивы, «эстетически коннотированные» [Голомидова 1998: 189], не содержащие информации об облике улицы, отличающиеся модальностью желательности, наличием положительных оценочных коннотаций: **Вишневая-ягодная, Солнечная, Ясная, Тайный переулок, улица Секретов** (принцип характеризующий);
- ориентирующие урбанонимы: **Южная, Северная** (ср. комментарий респондента: *так как на них находятся Северный и Южный автовокзалы*).

Таким образом, респонденты в большинстве случаев предлагают заменить названия улиц, в основе которых лежит меморативный принцип (14 названий из 26). Вероятно, это связано с тем, что прецедентные имена утратили для них свою актуальность. В частности, для замены предлагаются названия улиц, посвященные политическим и революционным деятелям (дважды названа улица Патриса Лумумбы, а также К. Либк-

нехта, Пальмиро Тольятти и др.). При этом в рамках того же принципа предлагается заменить имена на другие (вероятно, лично значимые, например, М. Магомаева) или упростить структурно.

Наиболее предпочтительными принципами номинации для респондентов являются характеризующий (9 реакций) (в том числе предлагаются названия, показывающие соотнесенность улицы с другими, и названия-позитивы, не содержащие информации об улице, но создающие положительно-оценочные ассоциации) и ориентирующий (всего 5 реакций, при этом в качестве ориентации выбирается лично значимый объект).

Анализ названий улиц, предложенных респондентами, с точки зрения принципов и способов номинации позволил выявить следующие тенденции:

- 1) ярко выраженная тенденция к упрощению названий (в том числе – структурному: *Пальмиро Тольятти – Тольятти*),
- 2) смещение фокуса внимания от прецедентных имен, названий, событий к лично значимым реалиям,
- 3) предпочтение характеризующему и ориентирующему принципам номинации.

Обозначенные тенденции находят выражение и в современной номинации улиц Екатеринбурга. Ср. названия новых улиц микрорайона *Солнечный*: *Золотистый бульвар*, улицы *Любви*, *Счастливая* и *Лучистая*.

Перспективной работой может стать исследование в психолингвистическом ключе неофициальной топонимики Екатеринбурга [Екатеринбургская топонимика, URL: <http://www.1723.ru/toponim/2.htm> (дата обращения: 09.02.2022)].

Литература

Березович Е.Л. Семантические микросистемы в русской топонимии: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1992.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в ономастике. – Екатеринбург, 1998.

Голомидова М.В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга// Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С.19-25.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Лингвокреативный потенциал эргоминаций в аспекте их порождения и восприятия: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. – 2022а. – №2. – С. 30-45.

Гридина Т. А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. Учебное пособие. – Екатеринбург, 2020

Гридина Т. А., Коновалова Н.И. Психолингвистические аспекты интерпретации игровых эргонимических феноменов // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2022б. – №20. – С. 31-50.

Екатеринбургская топонимика [электронный ресурс] URL: <http://www.1723.ru/toponim/2.htm> (дата обращения: 09.02.2022).

Зорина Л.И., Служкин М.В. Улицы и площади старого Екатеринбурга. – Екатеринбург, 2005.

Разумов Р.В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии// Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 14–19.

Рут М. Э. Легко ли назвать улицу // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы V Международной научной конференции (Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.). – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. С. 228-233.

Рут М. Э. Ономастиологический эксперимент как способ изучения отношения студентов к процессу обучения//Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – №9. – С. 70-74.

Шмелева Т.В. Ономастика. Учебное пособие. – Славыанск-на-Кубани, 2013.

©Ваулина И.А., 2023

УДК 811.161.1'374

ББК Ш141.12-4

В.Д.ЧЕРНЯК,

SPIN-код:4666-6540

vdcher@yandex.ru

И.И.ХАСАНОВА

г. Санкт-Петербург, Россия

inessakhasanova@mail.ru

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ: ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ИЗ ПЕСЕН В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ТЕЗАУРУСЕ

Аннотация. В статье рассматривается место прецедентных феноменов из песен, прежде всего советских, в интертекстуальном тезаурусе современника. О широкой воспроизводимости прецедентных феноменов свидетельствует их заметное место в словарях крылатых слов. Разнообразие условий функционирования прецедентных феноменов из песен демонстрируют материалы Национального корпуса русского языка. Активное использование значительного числа прецедентных феноменов показывает процесс их фразеологизации, а также формирование моделей, в основе которых лежат популярные прецедентные феномены из песен. Во многих случаях прецедентные феномены из песен являются основой языковых игр. В связи с этим актуальной является проблема восприятия прецедентных феноменов представителями разных поколений. Наличие или отсутствие кавычек или других метаоператоров является показателем изменений соответствующего фрагмента культурного кода.

Ключевые слова: прецедентные феномены, интертекстуальность, интертекстуальный тезаурус, фразеологизация прецедентных высказываний, языковая игра, русский язык, песни, крылатые слова.

CHERNYAK VALENTINA D., KHASANOVA INESSA I.
Saint Petersburg, Russia

LIFE ACCOMPANIED BY MUSIC: PRECEDENT PHENOMENA FROM SONGS IN THE INTERTEXTUAL VOCABULARY

Abstract. The article examines the role of precedent phenomena from songs, primarily Soviet ones, in the intertextual vocabulary of a contemporary. The wide reproducibility of precedent phenomena is evidenced by their prominent place in the dictionaries of idioms. A variety of conditions for the functioning of precedent phenomena from songs is demonstrated by the materials of the Russian National Corpus. The active use of a significant number of precedent phenomena shows the process of their phraseologization, as well as the formation of models based on popular precedent phenomena from songs. In many cases, precedent phenomena from songs are the basis of word play. In this regard, the problem of perception of precedent phenomena by representatives of different generations is relevant. The presence or absence of quotation marks or other meta-operators is an indicator of changes in the corresponding fragment of the cultural code.

Keywords: precedent phenomena, intertextual vocabulary, phraseologization of precedent statements, word play.

Черняк Валентина Даниловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Chernyak Valentina Danilovna, Herzen State Pedagogical University of Russia, Doctor of Philology, Professor, Professor, of the Department of the Russian Language

Хасанова Инесса Ильшатовна, магистр по направлению «Педагогическое образование». Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: inessakhasanova@mail.ru

Khasanova Inessa Ilshatovna, Master of Education. The Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

Одной из тем, которые в последние годы находятся в центре внимания современной лингвистики и лингвокультурологии являются проблемы интертекстуальности и прецедентности [Прохоров 2016: 146], интертекстуального тезауруса языковой личности – «совокупности всех тех элементов, которые говорящий субъект считает “чужими” при восприятии некоторого сообщения / текста и которым он придает статус цитатных при порождении собственных высказываний / текстов» [Кузьмина 2009: 190]. Объектом внимания становятся интертекстуальные включения из различных источников – от произведений русской и зарубежной классики до текстов массовой литературы. «Интертекстуальные знаки проверены временем и традицией: они существуют в течение жизни нескольких поколений людей в виде некоего культурного кода, существование прецедентных феноменов ограничено временем их рецепции и реинтерпретации» их [Кузьмина 2011: 103]. Обращает на себя внимание то, что все чаще в разных типах дискурсивных практик используются прецедентные феномены из текстов простых, легко узнаваемых, прочно закрепленных в памяти носителя языка, например, из детской литературы или популярных мультфильмов [Детское чтение...2020; Ли 2022; Черняк 2023; Черняк, Ли 2020]. «Если XIX век начинался с активизации прецедентных феноменов, восходящих к античности, а в прошлом веке максимально активными были прецедентные феномены, восходящие к русской классической литературе, то в наступившем веке закономерно ожидать активизации новых сфер-источников. Все отчетливее в массовой коммуникации прослеживается тенденция к сокращению аллюзий, ориентированных на знакомство с текстами классической литературы, и активизации отсылок к максимально простым и общедоступным источникам прецедентности» [Будаев, Чудинов, Нахимова, 2019: 27]. К числу наиболее часто воспроизводимых прецедентных феноменов, находящихся в зоне «быстрого доступа», относятся прецедентные феномены из песен, прежде всего, из песен советской эпохи. Об этом свидетельствует их широкая представленность в словарях крылатых слов. Так, в словнике «Словаря крылатых фраз россий-

ского кино» содержится 78 крылатых выражений из песен, созданных в советское время и звучавших в советских фильмах. Их постоянная, почти ежедневная, воспроизводимость с экранов телевизора, в радиоэфире делала в советскую эпоху тексты песен значимой частью интертекстуального тезауруса любого носителя русского языка, неотъемлемым элементом национально-культурного кода.

В книге «Словарь культуры XXI века» для объяснения удивительной лексемы *мамхлэпинатанай* автор Бали Кан (Сенегал) связывает эту «национальную лексему с интернациональными потенциями» с одним из важных для сенегальской культуры и национального этикета смыслов – предоставить возможность собеседнику начать совместные действия первым. Примечательно, что автор сопоставляет это качество с популярным в годы его учебы в России хитом бит-группы «Секрет»: «*Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я...*» [Словарь культуры...2022: 214]. Примечательно, что строка из песни, запечатленная в памяти, становится толчком для лингвокультурной рефлексии.

Представляет интерес текстовый фрагмент из новой книги Т. Толстой и А. Тимофеевского «Истребление персиян»:

Прислушайтесь: народ, даром что слушает попсу круглосуточно, сам ее, слава господу, не напевает, на свадьбах-женитьбах, упившись в сосиску, под гитару не мурлыкает. «*Ой, мама, шикадам*» не споют над винегретом и холодцом, так же как в советское время пропеть за столом «*ЛЭП-500 не протая линия*» мог бы только освобожденный комсомольский работник либо олигофрен. Подчиняясь одному ему ведомым законам, народ пшено клюет, а просо не станет. Гжель он любит, а Палех ему чужд, это для «Интуриста», так же как «*Калинку-малинку*» давным-давно уступили «Интуристу» и не жалко. А вот интеллигенция подвывает свой «*Синий троллейбус*», любит ей как раз тем, что он оказывает милость падшим: «*твои пассажиры – матросы твои – приходят на помощь*». Добродетель эта, повторяю, совершенно не народная. Да и мысль о том, что «в молчаньи много доброты» – это мысль экзистенциально одинокого, высокоорганизованного нервного существа, а народ

любит, чтобы включили погромче, сами знаете. Так что поют? – в основном протяжное и печальное, или, хотя бы, задумчивое. Из старого – *“На палубу вышел, а палубы нет”*, *“Догорай, горы, моя лучина”*, *“По Дону гуляет”*, *“А брат твой давно уж в Сибири, давно кандалами гремит”*, много разнообразного про ямщиков, *“Ой, мороз, мороз”*, *“Когда б имел златые горы”*. Из более-менее нового – *“Эх, дороги, пыль да туман”*, женские песни: *“Сняла решительно пиджак сброшенный”*, *“На нем защитна гимнастерка, она с ума меня сведет”*. Еще – *“Каким ты был, таким остался”*, *“Зачем, зачем на белом свете есть безответная любовь”*. Заметьте, все вещи – хорошего вкуса. Вполне себе гуманистические. Но едва ли не самая исполняемая песня – *“Из-за острова на стрежень”*. Поется с удалью, размахом и торжеством. Глаз блестит. *“И за борт ее бросает в набежавшую волну!”* Так ее! Ура!

Т. Толстая подвергает ироничной рефлексии песни разной хронологической прикрепленности, несомненно, ставшие частью тезауруса языковой личности. К их числу, без сомнения, можно было бы добавить песни на слова самого А. Тимофеевского о крокодиле Гене и его друзьях.

По словам Н.Д. Арутюновой, «цитация – это словесный бумеранг. Она является компонентом вербальной реакции на высказывание» [Человеческий фактор 1992: 65]. Для того чтобы этот компонент вербальной реакции был воспринят, у коммуникантов должны быть общие элементы тезауруса, важнейшей частью которого являются «интертекстуальные знаки», значимые для нескольких поколений людей. В.И. Заботкина пишет о коллаборативности – совместном действии в коммуникации, координации ментальных репрезентаций, основанном на знании предшествующих текстов и дискурсивных практик [Заботкина 2020: 77]. Рассмотрим в этом контексте фрагмент из романа Дм. Данилова «Саша, привет!», в котором представлен диалог между мужчиной, чье детство и юность прошли в советское время, и девушкой, родившейся в XXI веке:

– Ну вот и славно. Давайте посмотрим на величественный пейзаж Москвы, а потом меня через какое-то время расстреляют.

– Да, давайте посмотрим. Зря говорят, что Москва некрасивая.

– Конечно, зря. Москва – это ЛГЗ.

– Что такое ЛГЗ?

– *Это лучший город Земли. Была такая советская песня.*

Герой, используя прецедентный феномен, во избежание коммуникативной неудачи указывает на источник цитаты (*Была такая советская песня*). Обязательного метаязыкового комментария требует и реплика «Москва – это ЛГЗ», без которого окказиональная игровая аббревиатура, не может быть воспринята читателем так же, как она непонятна и героине. «Когнитивный подход к изучению глубинных смыслов познавательной деятельности человека требует учета интерпретационной перспективы, адекватной компетенции пользователя языка» [Заботкина 2020: 77].

Приведем еще один показательный пример, в котором прецедентный феномен *птица счастья завтрашнего дня* вызывает коммуникативную неудачу при общении представителей разных поколений:

От этой сумасшедшей беготни они скоро вымотались, повалились на диван. А попугайчик перелетел со шкафа на пианино и как ни в чём не бывало стал чистить пёрышки

– Вот наглец! – сказал папа. – Ну что ты носишься? Мы ведь тебе добра желаем. А ну давай ещё раз попробуем поймать эту *птицу счастья!*

– Почему *птицу счастья?* – не понял Антошка.

– Так в песне поётся: «*Птица счастья завтрашнего дня прилетела, крыльями звеня...*» (А. Турханов. Гость).

Подобные примеры подтверждают положение о том, что «прецедентное высказывание анафорично по отношению к повременному его тексту. если оно связано с этим текстом структурно, и дейктично по отношению к ситуации, в контексте которой оно в первый раз возникло» [Костомаров, Бурвикова 1994: 73-74].

Особенности реального функционирования и степень распространения прецедентных феноменов из песен выразительно демонстрируют материалы Национального корпуса русского языка. Материалы корпуса позволяют судить о жанровой за-

крепленности, текстовой предназначенности и идеологической мотивированности исследуемых языковых единиц. Так, одной из наиболее частотных (127 вхождений) стала строка из песни М. Фрадкина на слова Р. Рождественского «За того парня». Прецедентное высказывание *за себя и за того парня*, отмеченное в 70-е гг. XX века яркой идеологической окраской, с течением времени фразеологизируется и закрепляется в тезаурусе языковой личности, часто в редуцированном виде (*за того парня*) с иронической коннотацией:

После многих лет возлияний, а также после эксцесса, случившегося с ним под Новый год в прямом эфире, накрепко “завязал” и телеведущий Юрий Николаев, который, по его словам, “уже выпил за себя и за того парня”. В течение последних пятнадцати лет Юрий Михайлович пьет только минералку и активно занимается спортом (И музой его был стакан // Аргументы и факты, 2006.12).

Большинство детей следуют совету учителя. В другой школе детей отводят в столовую и они предоставлены сами себе: кто-то только пьет компот, кто-то хватает хлеб, а кто-то ест *за себя и за того парня*, – рассказывает Батурин (Школьные завтраки оказались слишком калорийными // Известия, 2016.01).

Да, эту игру наши выгащили на характере. Но Этторе Месина создал такой механизм, в работе которого отсутствие Холдена или Смодиша просто не может сказаться. Стоит кому-то вылететь, как партнер начинает играть не на сто, а на двести процентов. Как говорят в России – *за себя и за того парня* (Д. Абаренов. Смодиш в зеркале России // Советский спорт, 2008.11).

Таким образом, в речевой практике прецедентный феномен *за себя и за того парня*, фразеологизируясь, употребляется в значении «в большом количестве», «с удвоенной силой». При полной утрате у читателя представления об исходной мотивации выражения языковая игра журналиста может показаться как минимум неудачной. Ср.:

В чем причины такой метаморфозы? Для экспертов все ясно как день. Во-первых, это так называемый “эффект высокой базы”. То есть в прошлом году многие продукты подорожали “за

себя и за того парня” на фоне неурожая. В этом году с погодой повезло, вот цены и стали плавно снижаться (Е. Беляков. Что подорожает и подешевеет этой зимой // Комсомольская правда, 2011.12).

Фразеологизация выражения “*за себя и за того парня*”, как правило, допускает лишь редукцию, но не трансформацию состава. В тех случаях, когда устойчивая единица из песни более объемна по составу, трансформации оказываются более заметными.

Популярная советская песня, которую исполняла Эдита Пьеха, стала источником прецедентного феномена *в нашем доме поселился замечательный сосед*, при этом компонентный состав устойчивой единицы может варьироваться. В следующих примерах использование прецедентного феномена четко соотносится с конкретной коммуникативной ситуацией, при этом и кавычки, и указание на источник исключают возможность возникновения двусмысленности.:

У меня ситуация, как в песне “*В нашем доме поселился замечательный сосед*”. С утра до вечера звучит безумная музыка. В квартире находиться просто невозможно, так как у нас хрущевка. Что делать? (Д. Дьяченко // Труд-7, 2007.04).

Год назад в ее доме *появился замечательный сосед*. Вернее, соседка, которая играет не на трубе, а на пианино – часами, с небольшими перерывами. И все совсем не так весело, как пела Эдита Пьеха. В панельной 9-этажке 1967 года выпуска слышно даже, как кашляет за стеной сосед (И. Воронова. Тишины хочу! // Труд-7, 2006.05).

Метаоператоры *как в песне, как пела Эдита Пьеха* даже приотсутствии кавычек и редукции всего высказывания делают контекст вполне достаточным для его адекватного восприятия.

В других случаях возникновение коммуникативной неудачи вполне возможно:

К несчастью ресторанов, рядом с ними *поселился замечательный сосед* – вице-мэр Москвы Петр Бирюков. Даже дома он не отдыхает, усиленно благоустраивая свой район. “Петр Павлович дал поручение соответствующим службам, чтобы они проверили кафе, – поясняет пресс-секретарь чиновника Игорь

Пергаменщик, – потому что он получил жалобы жителей дома, в котором расположены “Сулико” и “Крылов” (Пришел, увидел, запретил // Коммерсант, 2010.07).

Учитывая, что в столице Чукотки – Анадыре – живет примерно столько же людей, сколько в московском доме, состоящем из нескольких многоэтажных корпусов, можно просто считать, что *в этом доме поселился замечательный сосед*. Он и стены всем покрасит, он и окна застеклит, и накормит, и напоит, и работой наделит. Но на такую доброту способны только очень богатые люди (Ведомости, 2001.02).

В ряде случаев прецедентный феномен занимает сильную позицию – позицию заголовка:

“Замечательный” сосед. В квартиру наверху заселился очень шумный сосед. После 11 часов вечера он устраивает вечеринки, гремит музыка. Урезонить его невозможно. Он утверждает, что в своей собственной квартире что хочет, то и делает (На вопросы наших читателей отвечает адвокат Ольга Боброва // Труд-7, 2006.09).

“Замечательный” сосед. Кого сегодня удивишь эстафетой через всю страну? А вот гражданин Швейцарии Герберт Гергер заставил целую деревню регулярно бегать 10-километровый кросс! (А. Крылова. Вместо сыра – швейцарская мышеловка // Комсомольская правда, 2014.02).

Очевидно, что коннотация прецедентного высказывания меняется в зависимости от актуализации тех или иных компонентов ситуации.

Прецедентное высказывание *миллион алых роз* из одноименной советской песни используется как символ романтической любви, символических подарков:

“Девушка за 30 в поисках любви” – изумительная роль Анны Михалковой, которая, как всегда, не боится выставить себя в самом нелепом свете. Герои остальных новелл – дочь мнина-олигарха, сбегаящая в Грузию с нищим возлюбленным. Владелец маленького тбилисского кафе, продавший квартиру за \$ 5 тыс., чтобы купить женщине своей мечты *“миллион алых роз”* (Л. Юсипова. Резо Гигинеишвили сделал акцент на кино // Известия, 2012.07).

На работе все складывалось как нельзя лучше, а вот в личной жизни как-то не очень. К тому времени Веденева была уже не-свободна. Ее мужем был художник один, который не дарил своей Тане *миллион алых роз*, а в силу своей творческой несостоятельности постоянно пребывал в кризисе (*Миллион алых роз для Татьяны Веденева // Аргументы и факты, 2003.08*).

Ну кто не знает эту прекрасную и романтическую историю о бедном живописце, который подарил своей возлюбленной *миллион роз!* (С. Спиридонов. А муза была скуповата // *Труд-7, 2006.05*).

В том же Северном округе произошла еще одна необычная кража. Из павильона цветов был украден “*миллион алых роз*”. Оперативники быстро вычислили цветочного Ромео: им оказался недавно освободившийся зэк (*Кража на смех // Аргументы и факты, 2005.03*).

Некоторые девушки считают, что чем больше мужчина любит, тем дороже подарки он станет делать. Ну, конечно, все определяется размером зарплаты, но все-таки “настоящая любовь” – это не ветка сирени, а *миллион алых роз* (*Молчит, но любит? // Аргументы и факты, 2004.07*).

В центре Новосибирска неизвестный гражданин вывалил на тротуар полный самосвал зефира. Больше тонны! А то дарить *миллион алых роз* любимой девушке уже как-то банально. Настоящий мужик слово держит. Дорогая, ты хотела сладкую жизнь? Получай! (С. Бабицкий. Люди, которые нас удивили // *Комсомольская правда, 2013.02*).

Примечательно, что в значительном числе контекстов прецедентное высказывание используется без кавычек. По точному замечанию А. Гениса, «отцов от детей отличают цитаты – одни их подхватывают, другие не знают, где ставить кавычки» [Генис 2009: 329].

Л.П. Дядечко пишет о том, что увеличение количества включений в речь приводит к девальвации эпонимичности («крылатости»). Привычность употребления создает впечатление, что данное слово существовало в языке всегда [Дядечко 2002: 9]. О фразеологии прецедентных феноменов свидетельствует использование следующих метаоператоров: *поговорка, принцип,*

девиз, мантра, банальность, кредо, формула, истина. При этом какие-либо указания на связь с текстами песен отсутствуют. Приведем примеры:

Может, к известной поговорке “Москва не сразу строилась” следует добавлять: “... а сгорела в одночасье”? (Ю. Лобов // Труд-7, 2002.09).

Полезно увязывать денежное вознаграждение с результатами всей компании. Частично выплачивая его акциями. Надо отметить любые поощрения в банках, получающих бюджетную поддержку. Старый принцип “если радость на всех одна, на всех и беда одна” продолжает спланировать коллективы. Ориентировать на общую цель (А. Лившиц. Починить тормоза // Известия, 2009.09.23).

“У природы нет плохой погоды” – под этим девизом прошли соревнования по уличному баскетболу в Хабаровске (А. Гришина. Ураган и уличный баскетбол // Комсомольская правда, 2009.06).

Да, оба побиты жизнью куда меньше, чем их герои. Да, гонорары за фильм, думается, стоят трудов. Но эту боль столкновения с собственной молодостью, что читается в глазах как у Де Ниро, так и у Сталлоне, не подделать. Кто бы мог подумать, что *расхожая банальность* “не стареют душой ветераны” применима не только к спорту (Д. Рузаев. Я побит, начну сначала // РБК Дейли, 2014.01.16).

Материалы НКРЯ позволяют говорить и о достаточно распространенном образовании прецедентных моделей, в основе которых лежат прецедентные феномены из песен. Прецедентные модели формируются в результате повышенной частотности той или иной цитаты, «в структуре которой выделяются как стабильные компоненты, так и пустые клетки (N)» [Семенец 2004: 53]. Трансформации прецедентных единиц, связанные с лексической заменой, приводят к серийности воспроизведения фразы [Шумкина 2011: 6]. Так, прецедентный феномен *с чего начинается родина* послужил основой прецедентной модели *с чего начинается X*. Ср.:

С чего начинается очередь. Районный отдел образования находится на втором этаже старинного особняка. Наверх ведет

крутая лестница, пандуса для детской коляски нет. То есть чтобы записаться в очередь, мама должна с кем-то оставить будущего детсадовца (Куда приходит детство // Новая газета, 2015.07).

С чего начинается опера. В России конца 2010-х опера переживает новый виток популярности, во многом связанный с анализом и критикой формата – вплоть до выхода сборника «Как смотреть оперу» («Крафт+», 2018), авторы которого рефлексиируют по поводу оперы как театра (С чего начинается опера // Ведомости, 2019.02).

Особое место принадлежит прецедентным высказываниям из песен в художественных текстах. Когнитивная актуализация является способом расширения смыслового текстового пространства. Так, заключительная глава книги Татьяны Москвиной «Жизнь советской девушки», написанной в жанре художественной автобиографии, имеет следующее название: «Надейся и жди?». Вопросительный знак эксплицирует авторскую рефлексии над выражением, которая расширяется по мере текстового развертывания: «Бодрый рефрен песни про *всю жизнь впереди* казался убедительным символом идиотизма, в котором приходилось жить». Автор, вспоминая непростые годы своей молодости, противопоставляет их кажущемуся ей «звонко-приказным» выражению *надейся и жди* из популярной в то время советской песни ансамбля «Самоцветы».

При анализе использования прецедентных феноменов из песен необходимо учитывать, что восприятие интертекстуальных элементов, включение их в ментальное пространство слушающего «осуществляется подобно наведенной в сознании <...> рефлекторной дуге, дуге условного рефлекса: намек (цитата или имя) – и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушающего, прецедент вступает в игру» [Караулов 2003: 217]. Однако, чтобы прецедент вступил в игру, необходимо наличие в памяти хотя бы элементарных «защепок», без которых полное восприятие текста оказывается невозможным. Так, при чтении следующего отрывка из романа Дины Ру-

биной читатель может не узнать в словосочетании *кругом вода-вода* строку из советской песни «Как провожают пароходы», это не приведет к коммуникативной неудаче, хотя, безусловно, расчет автора на восприятие языковой игры, основанной на глубинных ассоциативных связях, в большинстве случаев оказывается неоправданным:

Гуревич всегда очень остро чувствовал этот перелом: вроде бы ты нырнул и плывешь под водой под низким мостом, и воздух на исходе, но вон он, свет, все ближе, ближе... Снег скукоживается и чернеет, *кругом вода-вода*, ноги мокрые, не убе-речься. По краям мостовых текут ручьи, перейти улицу нереально, утопанные с виду снежные дорожки таят сюрпризы, наступишь – провалишься (Д. Рубина. Маньяк Гуревич).

Интересен пример трансформации прецедентного феномена *скромный синий платочек* в рассказе А. Матвеевой: – Я вам вопрос, вообще-то, задала, – обиженно сказала низенькая экскурсантка в потёртом *синем платочке*. *Стремный синий платочек...* (А. Матвеева. Внук генерала Игнатьева).

В процессе текстового развертывания автор метонимически использует прецедентное высказывание [*скромный*] *синий платочек* в качестве номинации героини:

Почти половина экскурсантов осталась на своих местах, но синенький платочек почему-то ринулся к Мемориалу первым.

– Вот здесь обнаружили тела почти всех Романовых и их верных слуг. <...>

Высокомерный с каким-то особенным вкусом щелкал фотокамерой, словно бы заново расстреливая Романовых, а «*синий платочек*», пригорюнившись, сказала Юле:

– И ведь даже березы здесь растут кривые да низкие! Вот какая вам еще нужна правда, безбожники?.. (А. Матвеева. Внук генерала Игнатьева).

Отметим, что в «Словаре крылатых слов и выражений нашего времени» Л.П. Дядечко [Дядечко 2019] одно из значений единицы *синий платочек* с пометой «новое», – «о скромном, неприязнительном одеянии».

Для того чтобы определить место прецедентных феноменов из советских песен в интертекстуальном тезаурусе современни-

ка, нами был проведен направленный эксперимент среди студентов 1–2 курсов филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. В эксперименте приняли участие 75 человек.

Участникам предлагалось продолжить строки из советских песен, а также определить источники получившихся выражений. Респондентам не сообщалось, что эксперимент связан именно с советскими песнями. Для чистоты эксперимента, помимо 27 начальных строк из советских песен (*у природы нет...; если бы парни...; радость со слезами...; с чего начинается...; широка страна моя...; миллион, миллион...; в жизни раз бывает...; прекрасное далеко, не будь...; каким ты был, таким ты... и др.*), в анкету были включены несколько прецедентных феноменов, никак не связанных с песнями.

Анализ полученных анкет позволил сделать ряд выводов.

Несмотря на то, что, как отмечает Д. Б. Гудков, сегодня наблюдается тенденция к «выпадению» из когнитивной базы специфических феноменов советской действительности [Гудков 1998: 89], ряд прецедентных феноменов из советских песен хорошо знаком молодым людям, родившимся уже в начале XXI века. Хронологически наиболее близкими к XXI веку оказались прецедентные феномены *перемен требуют наши сердца* и *звезда по имени Солнце* из песен группы «Кино», поэтому симптоматично, что эти единицы знакомы почти всем респондентам. Одним из наиболее значимых для современного студента оказался прецедентный феномен *прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко* из фильма «Гостя из будущего», а также *вместе весело шагать* (строка из песни, которую исполнял Большой детский хор). Это, безусловно, связано с тем, что тексты, песни, фильмы, с которыми человек знакомится в детстве, прочно закрепляются в сознании: «ребенок формирует языковую картину мира через тексты, услышанные или прочитанные на раннем этапе развития» [Носова, Черняк 2023: 94]. Конечно, это связано и с тем, что многие в детстве занимаются хоровым пением, что влияет на закрепление прецедентных высказываний в тезаурусе. Также к наиболее узнаваемым единицам относятся *проснись и пой; миллион алых роз; у природы нет плохой погоды; радость*

со слезами на глазах; первым делом самолеты, ну а девушки потом.

Средней степенью узнаваемости (22 – 37 респондентов) обладают прецедентные высказывания *в нашем доме поселился замечательный сосед; с чего начинается Родина; надейся и жди; за себя и за того парня; каким ты был, таким ты и остался; мои года – мое богатство; главное, ребята, сердцем не стареть.*

Примечательны попытки восстановить источник выражения *радость со слезами на глазах: песня «День Победы» ; военная песня; песня о 9-м мая; похоже на песню, посвященную Дню Победы; негласный (я думаю) гимн посвящ. ВОВ; Лев Лещенко; сов. песня про войну; песня о Родине, о ВОВ; о победе в ВОВ; гимн; патриотическая песня; песня на 9 мая; «День победы», исполняет Л. Лещенко; песня про день победы; Лещенко «День Победы»; песня про 9 мая; советский афоризм; в школе на линейке пели; советский фильм; «Священная война» песня. Приведенные метаоператоры выразительно свидетельствуют об идеологических условиях закрепления прецедентного феномена.*

Крайне низкой степенью узнаваемости характеризуются выражения *а вместо сердца пламенный мотор; в коммуне – остановка; не стареют душой ветераны; нам песня строить и жить помогает; первый там мы уже отыграли; что-то с памятью моей стало.*

Многие строки из советских песен сегодня уже не идентифицируются молодежью. Так, например, никому из респондентов не удалось продолжить строки *ах картошка, объеденье, пионеров идеал; если бы парни всей земли; в жизни раз бывает восемнадцать лет; наш паровоз, вперед лети.*

Таким образом, прецедентные феномены из песен являются важной составляющей интертекстуального тезауруса современника. Причиной этого является их высокая тиражируемость на протяжении десятилетий с помощью радио, телевидения, массовых мероприятий различного рода. Популярность советских песен и, соответственно, многих прецедентных феноменов из них обеспечивается и популярностью кинофильмов, в которых эти песни звучат. Одни советские песни являлись мощным

средством идеологического воздействия, а прецедентные феномены из них – распространенными идеологическими клише (*Широка страна моя родная; Москва-столица, моя Москва; Нам нужна одна победа, мы за ценой не постоим; Если бы парни всей земли...*), другие использовались как излюбленное средство иронического взгляда на действительность (*Без воды ни туды и ни сюды; Первым делом, первым делом самолеты, но а девушки, а девушки потом; Ах картошка-объеденье, пионеров идеал...*). С течением времени, особенно в постсоветскую эпоху, идеологический компонент практически полностью нейтрализуется. Прецедентные феномены превращаются в экономное и выразительное средство обозначения той или иной ситуации, часто подвергающееся коммуникативным трансформациям. Условия использования прецедентных высказываний варьируются от полного воссоздания прецедентной ситуации до включения в текст лишь отдельных фрагментов прецедентного феномена, предполагающего определенную читательскую искушенность, позволяющую понять, что в тексте используется не просто случайное, иногда, на первый взгляд, не слишком мотивированное свободное словосочетание, а культурно значимый феномен. Как выразительный инструмент языковой игры прецедентные феномены из песен используются в различных типах текстов, при этом очень важен неизбежный процесс устаревания интертекстуального тезауруса, что приводит к возможным коммуникативным неудачам, недостижению ожидаемого коммуникативного эффекта.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Фразеологические логоэпистемы: архетипы и символы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Выпуск 22.С.7-13.

Будаев, Э. В., Чудинов, А.П., Нахимова, Е.А. Буратино как прецедентный феномен в российских СМИ / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, Е.А. Нахимова // Детская книга как институт социализации: «золотой ключик» к миру взрослых: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Тагил,

24–25 октября 2019 г.) / отв. ред. А. Н. Садриева. Нижний Тагил, 2019. С. 23-31

Генис А. Шесть пальцев. Пушгоры. М., 2009.

Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации: коллективная монография / отв. ред. В. Д. Черняк, М. А. Черняк. СПб., 2020.

Дядечко Л. П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М., 2019.

Дядечко Л.П. Когда крылатое слово крылато // Русистика. 2002. № 2. С. 6-13.

Заботкина В.И. Когнитивные механизмы межкультурного диалога // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (41). Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках / отв. ред. вып. А.П. Чудинов. М.; Тамбов, 2020. С. 76-80.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003

Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. №1. С. 73–76.

Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: монография. Омск, 2009.

Ли Х. Прецедентные феномены из мультфильмов в интертекстуальном тезаурусе: монография. СПб., 2022.

Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2004.

Семенец О. П. Прецедентный текст в языке газеты (Динамика дискурса 50-90-х годов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.

Словарь культуры XXI века: глобальная серия / сост., предисл. И.Сац; научн. ред. В. Руднев. М., 2022.

Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина; Рос. АН, Ин-т языкознания. М., 1992.

Черняк В. Д. Прецедентные феномены и интертекстуальный тезаурус // Прецедентика в тезаурусе языковой личности: коллективная монография / под ред. В. А. Ефремова. СПб., 2023. С. 19–35.

Черняк В.Д., Ли Х. «Баба-яга против»: прецедентные фено-

мены из мультфильмов в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 68–76.

Шумкина И. В. Функционирование цитат из авторской песни в газетно-публицистических текстах: автореф... канд. филол. наук. Самара, 2011.

©Черняк В.Д., 2023

©Хасанова И.И., 2023

Электронный научный журнал

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА

Официальный сайт журнала: <https://linguacreativ.ru/>

Издатель: ФГБОУ ВО

«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции:

620091, г. Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26, каб. 281

E-mail: linguacreativ@mail.ru

Тел.: (343) 235-76-64; (343) 235-76-41

Периодичность издания: 4 раз в год

Выходные сведения:

Лингвистика креатива:
электронный научный журнал. 2023. № 3

Размещено на сайте 27.12.2023